

На правах рукописи

**КАНДОР
РУСЛАН СУЛТАНОВИЧ**

**ПРОЦЕСС ИНКОРПОРАЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ ФОРМ
УПРАВЛЕНИЯ АДЫГОВ (ЧЕРКЕСОВ) СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО
КАВКАЗА В СТРУКТУРЫ РОССИЙСКОЙ АДМИНИСТРАТИВНО-
ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
(XIX – начало XX в.)**

Специальность 07.00.02 – **Отечественная история**

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Майкоп – 2020

Диссертация выполнена на кафедре истории и права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Майкопский государственный технологический университет»

- Научный консультант:** **Кудаева Светлана Григорьевна**
доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и права ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет»
- Официальные оппоненты:** **Анчабадзе Юрий Дмитриевич**
доктор исторических наук,
ФГБУН «Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая»
- Матвеев Олег Владимирович**
доктор исторических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
- Кузьминов Петр Абрамович**
доктор исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
- Ведущая организация:** **Институт истории, археологии и этнографии** – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Дагестанского федерального исследовательского центра РАН

Защита состоится «04» февраля 2021 года в 13:00 часов на заседании Диссертационного Совета Д 999.133.02 на базе ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет» по адресу: 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2, ауд. 320.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» и на сайте ННГУ: <https://diss.unn.ru/files/2020/1049/diss-Kandor-1049.pdf>

Автореферат разослан «___» _____ 2020 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук, доцент

А.М. Абидулин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В последние годы в отечественной исторической науке особый интерес проявляется к осмыслению исторического опыта формирования Российской империи. В этом контексте значительное место отводится изучению природы российской государственности и практики выстраивания отношений с ее окраинами. Процессы, происходящие в социально-политической системе современного российского общества, актуализировали проблемы, связанные с региональным национально-государственным строительством, которое имеет глубокие исторические корни и давнюю традицию. Российская империя приложила немало сил на структурную адаптацию к новым условиям традиционных форм управления народов ставших ее составной частью, включению их в административно-политическую систему империи и формированию у них российской идентичности. Это относится и к адыгам (черкесам) *, когда после окончательного прекращения военных действий на Северо-Западном Кавказе, все усилия Российского правительства были направлены на преодоление их обособленности от политико-правового и культурного пространства Российской империи.

Открывшиеся возможности выявления и введения в научный оборот новых источников, совершенствование приемов и методов анализа исторических событий обусловили формирование новых, более аргументированных научных концепций. Особый интерес представляет выявление механизмов и закономерностей, которые обеспечивали

---

* Название «адыгэ» является эндоэтнонимом черкесов, одного из коренных народов Северного Кавказа, а названия «черкес», «черкас», «джаркас» – экзоэтнонимы, которые уже в XIV – XV в. мы встречаем в восточных, европейских, русских и кавказских исторических источниках. Кроме того, черкесы подразделяются на следующие субэтнические группы – адамий, абадзех, бжедуг (хамышей и черченей), бесленей, егерукай, кабартай, мамхег, махош, темиргой (чемгуй), натухай, хатукай, хегак (шегак), шапсуг. В особо близком этно-культурном, социально-политическом взаимодействии с черкесами находились западно-кавказские этносы – абазы (абазины), абхазы, убыхи и ногайские татары.

российскому государству включение новых подданных в качественно иной политический контекст и функционирование в этом контексте. Именно такой подход дает возможность приблизиться к пониманию многих политических реалий истории России, имевших место в прошлом и наблюдаемых в современности.

Сложившаяся историографическая ситуация, в свою очередь, также подтверждает актуальность избранной темы. Изучение имеющейся научной литературы показало, что в наши дни в историческом знании накоплен достаточно богатый опыт исследования отдельных, локальных аспектов поставленной проблемы. В то же время, процесс изменения традиционного управления адыгов (черкесов) по мере вхождения Северо-Западного Кавказа в состав Российской империи и окончательного формирования гражданского управления оставался вне внимания исследователей, несмотря на происходившие при этом кардинальные преобразования в области социальной организации общества, политических институтов управления и религиозного сознания адыгов (черкесов).

Работа исследовательской мысли в данном направлении имеет важное научное и практическое значение, прежде всего, для использования опыта взаимодействия традиций и инноваций при организации управления современным обществом. Признавая правомерность и неизбежность процесса переосмысления исторических знаний важно не попасть под обаяние своей «национальной истории», избежать ее мифологизации и оставаться на позициях критического анализа, независимого от идеологических схем и предрассудков ¹.

Тема исследования является актуальной и в связи с необходимостью изучения опыта, накопленного Россией по радикальному изменению традиционных систем управления северокавказских народов и их инкорпорирования в российские административно-политические институты власти. Своей проблематикой тема инкорпорирования традиционного

---

¹ Шеуджен Э.А. Путь в историю: в поисках методологии исследования. Майкоп, 2007. С. 96-103.

управления адыгов (черкесов) с ее деформационными и интеграционными процессами непосредственно связана с современными социально-политическими реалиями России, переживающей преобразования в сфере взаимоотношений центральной власти и субъектов управления.

В силу перечисленных причин и факторов, комплексное исследование процесса инкорпорации традиционных форм управления адыгов (черкесов) Северо-Западного Кавказа в структуры Российской административно-политической системы в указанных хронологических рамках имеет важное научное и практическое значение и позволяет изучить социально-исторические процессы на уровне явления национальной истории с характерными чертами и особенностями.

Историографический обзор и анализ опубликованной научной литературы раскрывающей степень проработанности поставленной проблемы представлен в отдельном параграфе первой главы диссертации, посвященной теоретико-методологическим вопросам.

Объектом исследования является традиционная система управления и социальная организация адыгов (черкесов).

В качестве **предмета исследования** выделяется процесс трансформации традиционной системы управления адыгов (черкесов) и инкорпорации ее элементов в российские административно-политические институты власти в ходе присоединения Северо-Западного Кавказа к Российской империи и становления российского гражданского управления в Кубанской области.

Территориальные границы исследования охватывают Северо-Западный Кавказ (по окончании Кавказской войны вошедший в состав Кубанской области) – основную территорию расселения адыгов (черкесов) в изучаемый период. В то же время, привлекая сравнительный материал по другим народам Северного Кавказа, мы выходим за пределы данных территориальных рамок.

Хронологические рамки исследования охватывают период от XIX века до начала XX века. В указанный период сформировался собственный исторический опыт адыгов (черкесов), который характеризуется внутренним своеобразием и единством, общими тенденциями социально-политического развития. Нижняя хронологическая граница обусловлена тем, что к этому времени традиционная система управления адыгов (черкесов) и социально-политическая организация адыгского общества была достаточно сформирована. Верхняя граница хронологических рамок ограничена началом XX в. и указывает на качественное изменение элементов традиционной системы управления в процессе инкорпорации адыгов (черкесов) в общегосударственное пространство Российской империи, в административно-правовом и культурно-языковом отношении.

Целью диссертационной работы является комплексное изучение процесса трансформации традиционной системы управления адыгов (черкесов), анализ изменения традиционных структур управления в сложных политических условиях вхождения Северо-Западного Кавказа в состав Российской империи, изучение взаимодействия элементов системы традиционного управления и социальной организации с российской административно-политической системой.

Для реализации этих целей ставились следующие **задачи**:

- обобщить теоретико-методологические подходы к пониманию проблемы соотношения традиций и инноваций;
- осуществить историографический обзор опубликованного научного материала с целью определения уровня исследования проблемы и выявления нереализованных исследовательских возможностей;
- определить исторически сложившиеся традиционные формы социально-политической организации адыгского общества;
- выявить степень влияния ислама на традиционную систему управления адыгов (черкесов);

- описать характер изменения традиционного управления адыгов (черкесов) в период окончания военных действий на Северо-Западном Кавказе и в ходе становления органов военно-народного управления;

- проследить за изменением традиционной социальной организации адыгского общества под воздействием российской социально-политической реформы;

- показать направление воздействия российской административной системы на элементы традиционного управления адыгов (черкесов);

- провести анализ характера административно-политических преобразований гражданского управления адыгов (черкесов) Кубанской области;

- выявить взаимодействие элементов традиционного управления адыгов (черкесов) с российской административной системой.

Источниковую базу исследования составляют документы и материалы, которые можно условно разделить на следующие группы: материалы зарубежных и российских архивов; опубликованные сборники архивных документов и статистических материалов; исследования российских и иностранных авторов; источники личного происхождения и частная переписка; картографические материалы; периодическая печать XIX в.

Важнейшей группой источников являются материалы Российского государственного военно-исторического архива (далее – РГВИА)¹. Весьма ценными для темы нашего исследования оказались и материалы фондов Российского государственного исторического архива (далее – РГИА)² и Государственного исторического архива Грузии (далее – ГИАГ)³. Кроме того, были изучены материалы по истории адыгов (черкесов), находящиеся в

---

¹ Фонды: 400 «Главный штаб Военного министерства»; 482 «Кавказские войны»; 846 «Военно-ученый архив»; 13454 «Штаб войск Кавказской линии и в Черномории расположенных»; 14257 «Штаб командующего войсками Кубанской области»; 14719 «Главный штаб Кавказской армии».

² Фонды: 932 «Дондуков-Корсаков, князь Александр Михайлович»; 1018 «Паскевич Эриванский Иван Федорович, светлейший князь Варшавский».

³ Фонды: 416 «Кавказская археографическая комиссия»; 545 «Кавказское военно-народное управление».

Государственном архиве Краснодарского края (далее – ГАКК)¹ и Центральном государственном архиве Республики Северная Осетия – Алания (далее – ЦГА РСО-Алания)². Вышеперечисленные архивные фонды содержат различные официальные указы и распоряжения российского военного командования, военно-политические и экономические обзоры Кавказа, переписку военных чиновников и другие материалы. В эту же группу источников входят и материалы фондов Национального архива Республики Адыгея (далее – НАРА)³ и Архива Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований (далее – Архив АРИГИ)⁴.

К числу опубликованных источников следует, прежде всего, отнести «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией»⁵, отражающие основные этапы российской политики на Кавказе с 1762 г. по 1862 г. и содержащие ценные материалы, в том числе и по различным аспектам (главным образом, политическим и военным) трансформации традиционной системы управления адыгов (черкесов). Критическое рассмотрение этих материалов позволяет глубже осмыслить вопросы социально-экономического, общественного строя адыгов (черкесов), их внутривнутриполитического и международного положения, а также проследить основные этапы колонизации Кавказа Российской империей.

Важное место среди источников необходимых при исследовании отечественной истории занимают правительственные указы и рескрипты

---

¹ Фонды: 249 «Канцелярия войскового атамана Черноморского казачьего войска»; 252 «Войсковое хозяйственное правление Кубанского казачьего войска»; 254 «Войсковое дежурство Черноморского казачьего войска»; 261 «Канцелярия начальника Черноморской кордонной линии Черноморского казачьего войска»; 325 «Штаб Адагумского отряда Кубанского казачьего войска»; 347 «Штаб начальника Лабинской кордонной линии»; 349 «Кубанско-горский конно-иррегулярный полк»; 396 «Войсковой штаб Кубанского казачьего войска»; 449 «Кубанское областное правление»; 452 «Гражданская канцелярия начальника Кубанского казачьего войска»; 454 «Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска»; 574 «Кубанская областная чертежная»; 670 «Коллекция документов по истории Кубанского казачьего войска»; 696 «Управление начальника Лабинского, Верхнекубанского и Нагорного военных округов»; 774 «Канцелярия помощника начальника Кубанской области по управлению горцами».

² Фонд 262 «Комиссия для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей».

³ Фонды: 8 «Хакуриновское аульное правление»; 21 «Бжегокайское аульное правление»; 74 «Мемуары Махаммеда Амина».

⁴ Фонд 1 «Фольклорный фонд» (рукописный).

⁵ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (далее – АКАК). Т. 1-12. Тифлис, 1866-1904.

Высочайше утвержденные правившими монархами Российской империи, в которых раскрываются политические цели российской монархии на Кавказе в рассматриваемый период. Такое же значение для исследователей имеют и договоры, которые заключались от имени Российской империи с другими государствами или отдельными владетельными правителями. В этих документах мы находим условия и обязательства, которые брали на себя договаривающиеся стороны, среди которых были и особые секретные статьи или отсылки к другим документам. Все эти документы помогают лучше понять причины столкновений интересов разных государств на Кавказе. Практику же претворения в жизнь внутренней и внешней политики Российской империи на Кавказе можно проследить по рапортам, докладам, отчетам, отношениям и предписаниям российских военных администраторов¹ и по документам, опубликованным в Кавказском сборнике². Значительный интерес представляют опубликованные сборники по обычному праву³ и по политическим аспектам изучаемой проблемы⁴, собранные отечественными исследователями.

Немаловажной категорией источников являются и источники личного происхождения авторов XVIII – XIX в., оставивших ценные заметки о системе управления адыгов (черкесов). К их числу следует отнести труды иностранцев, посещавших в этот период Западную Черкессию с военно-политическими, дипломатическими и коммерческими целями: Я. Потоцкого, Ю. Клапрота, К. Пейсонеля, Т. Де Мариньи, Ф.Д. де Монпере, Э. Спенсера, Дж. Белла, Дж. Лонгворта, Осман-бея, Т. Лапинского, А. Фонвиля и др.,

---

¹ Юзефич Т. Договоры России с Востоком. СПб., 1869; Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1895; Под стягом России: Сборник архивных документов / Сост. примеч. А.А. Сазонова, Г.Н. Герасимовой, О.А. Глушковой, С.Н. Кистерова. М.: Русская книга, 1992. 432 с. и др.

² Материалы к истории покорения Западного Кавказа и Черноморского побережья: время графа Паскевича Эриванского и барона Розена // Кавказский сборник. Тифлис, 1912. Т. 32. Ч. 2. С. 1-320. и др.

³ Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Одесса, 1882. Вып. 1; Лавров Д. Заметки об Осетии и осетинах // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1883. Т. 3 и др.

⁴ Крестьянская реформа в Кабарде: Документы по истории освобождения зависимых сословий в Кабарде в 1867 году. Нальчик, 1947; Трагические последствия Кавказской войны для адыгов (вторая половина XIX – начало XX века): Сборник документов и материалов. Нальчик, 2000; Избранные документы Кавказского Комитета. Политика России на Северном Кавказе в 1860-70-е годы // Сборник Русского исторического общества. М., 2000. Т.2 и др.

зафиксировавших деформации традиционных структур управления черкесских субэтносов¹. С началом проникновения России на Северо-Западный Кавказ формируется целый пласт русскоязычных источников по истории адыгов (черкесов). К таким источникам можно отнести труды С.М. Броневского, И. Дебу, Г.В. Новицкого, К.Ф. Сталя, Л.Я. Люлье, И.Ф. Бларамберга, Н. Карлгофа и др.² Следует отметить, что относительно небольшая часть трудов вышеуказанных российских и иностранных авторов была опубликована В.К. Гардановым в сборнике «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв.».

К этой же категории источников относятся произведения мемуарного характера, авторы которых являлись непосредственными участниками событий на Кавказе. Это воспоминания Ф.Ф. Торнау, М.И. Венюкова, Г.И. Филипсона, И. Дроздова, С. Духовского, С. Эсадзе, А. Шпаковского, Г. Атарщикова, Л.В. Симонова, Н. Хагондокова и др.³

Отдельным источником по исследуемой проблеме стали материалы, опубликованные в периодической печати дореволюционной России, отслеживавшей современные ей события на Кавказе. К числу таких изданий можно отнести газеты – «Кавказ», «Кубанские войсковые ведомости»,

¹ Klaproth J. Travels in The Caucasus and Georgia, performed in the years 1807 and 1808, by command of The Russian Government. London: Printed for Henry Colburn, 1814; Idem. Voyage au Mont Caucase et En Georgie. Paris, 1823; Idem. Tableau historique, géographique, ethnographique et politique Du Caucase et provinces limitrophes Entre La Russie et La Perse. Paris, 1827; Potocki J Voyage dans les steps D'Astrakhan et Du Caucase. Paris, 1829; De Marigny T. Three Voyages in the Black Sea to the Coast Of Circassia; including description of the ports, and the importance of their: with sketches of the manners, customs, religion of the circassians. London: J. Murray, 1837; Spencer Ed. Travels in Western Caucasus, including a Tour Through Imeritia, Mingrelia, Turkey, Moldavia, Calicia, Silesia, and Moravia in 1836. In two volumes. London: Henry Colburn, I Vol. 1838, II Vol. 1839; Bell J.S. Journal of a Residence in Circassia during the years 1837, 1838 and 1839. In two volumes. London: Edward Moxon, 1840; Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX в. (далее - АБКИЕА). Нальчик, 1974; Пейсонель К. Трактат о торговле на Черном море // АБКИЕА; Спенсер Э. Путешествие в Черкесию. Майкоп, 1993; Лонгворт Дж. Год среди черкесов // АБКИЕА; Осман-бей. Воспоминания 1855г. майора Осман-бея // Кавказский сборник. Тифлис, 1877. Т. 2; Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995; Фонвиль А. Последний год войны Черкесии за независимость 1863-1864г. Из записок участника – иностранца. Краснодар, 1927 и др.

² Новицкий Г.В. Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом адехе // Тифлиские ведомости. 1829. № 22-25; Люлье Л.Я. Черкессия. Историко-этнографические статьи. Краснодар, 1927 и др.

³ Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф.Торнау: Воспоминания и документы. Нальчик, 1999; Духовский С. Материалы для описания войны на Западном Кавказе. Даховский отряд на южном склоне гор в 1864 // Военный сборник. СПб, 1864. № 11,12; Хагондоков Н. Из записок черкеса // Военный сборник. 1867. № 3; Атарщиков Г. Заметки старого кавказца о боевой и административной деятельности на Кавказе генерал-лейтенанта барона Григория Христофоровича Засса // Военный сборник. 1870. Т. 74; Филипсон Г.И. Воспоминания // Русский архив. 1883. Т.3; Симонов Л.В. Один из потомков Нашебургского полка // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1906. Т. 12 и др.

«Кубанские областные ведомости»; журналы – «Военный сборник», «Кавказский сборник»; ежегодные и серийные издания – «Кавказский календарь», «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», «Сборник сведений о кавказских горцах» и др. Именно в этих изданиях публиковались работы историков-краеведов П.П. Короленко, Ф.А. Щербины, Е.Д. Фелицына, А.Н. Дьячкова-Тарасова и др., которые, несмотря на их явный историографический характер, без сомнения, можно отнести к категории источников описывающих состояние кавказских народов – как в силу исключительной добросовестности этих авторов в передаче информации почерпнутой ими из архивных документов, так и ввиду утраты либо недоступности для современного исследователя источников, которыми они пользовались. После окончания военных действий на Кавказе на страницах официальных периодических изданий все чаще помещаются материалы, посвященные теме необходимости освоения завоеванных территорий. Данные публикации знакомят исследователей как с методами колонизации, так и с трудностями, с которыми столкнулась Российская империя при распространении российского гражданского управления на Северном Кавказе.

Все представленные виды неопубликованных и опубликованных источников в полной мере содержат достаточное количество фактов, характеристик по различным аспектам исследуемой проблемы. Военные мемуары, путевые заметки, рапорты и докладные записки, хотя и касаются деталей военных действий на Северо-Западном Кавказе, но часто содержат подробные данные и характеристику общественно-политического строя, традиций управления, настроений адыгов (черкесов). Это позволило дать объективную характеристику состояния традиционного управления и социальной организации адыгов (черкесов) в XIX – начале XX в., проследить трансформационные процессы в традиционном управлении адыгов (черкесов). В последнее время внесены определенные коррективы в подходах к оценке изучаемых нами процессов проходивших на Северо-Западном

Кавказе в XIX – начале XX в., обозначились общие научные позиции, характерной чертой которых является отход от прежних стереотипов. И прежде всего идеологического характера. Однако, в отечественном кавказоведении все еще нет обобщающего системного исследования истории адыгов (черкесов) в XIX – начале XX в., содержащего в качестве основного компонента процесс инкорпорации элементов традиционного управления в российские административно-политические институты власти. Имеющиеся наработки затрагивают много частных проблем, некоторые из них носят фрагментарный характер, тем не менее, объем и содержание выявленных материалов составил достаточную основу для изучения поставленной проблемы.

Теоретико-методологической основой исследования являются фундаментальные труды отечественных ученых по теории и методологии исторического познания о применении определенных принципов и методов в ходе исторического исследования¹. Ключевое значение для исследования поставленной проблемы имело следование принципам научности, историзма, объективности, системности, причинности. Принципы исторического познания позволили придать работе научный, заверенный характер и исследовать процесс изменения традиционного управления, традиционной социальной организации адыгов (черкесов) в XIX – начале XX в. в динамике, проанализировав особенности этого процесса в конкретной меняющейся исторической действительности. Для достижения объективности важнейших положений и основных выводов нами использовался широкий круг архивных источников, давших возможность всесторонне исследовать изучаемую проблему и рассмотреть ее с разных точек зрения.

При систематизации и анализе документальных источников особое внимание уделялось методологии исследования и системному

---

¹ Кавальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987; Мининков Н.А. Методология истории. Ростов-на-Дону, 2004; Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М., 2005; Сидорцова В.Н. Методологические проблемы истории. Минск, 2006; Шеуджен Э.А. Научная деятельность: организация и методология исследования. Майкоп, 2006; Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008 и др.

использованию научных методов: конкретного анализа, проблемно-хронологического, ретроспективного, историко-сравнительного, историко-типологического, симбиоз которых позволил углубленно исследовать проблему и дать ответы на поставленные исследовательские задачи. Комплексное использование принципов и методов исторического исследования дало возможность изучить сложный процесс трансформации традиционного управления адыгов (черкесов) в XIX – начале XX в. под влиянием внутренних и внешних политических факторов, выявить взаимодействие устойчивых элементов традиционного управления с российской административно-политической системой в конкретно-исторической обусловленности, назвать значимые научные положения и обобщения.

Научная новизна работы состоит в том, что это первое комплексное исследование исторического опыта изменения в XIX – начале XX в. системы традиционного управления и социальной организации адыгов (черкесов). Изучение обширного круга архивных источников впервые введенных в научный оборот, а также обобщение значительного фактического материала, позволили детально рассмотреть процесс инкорпорации традиционного управления и социальной организации адыгов (черкесов) в российские административно-политические институты власти и прийти к значимым выводам.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в работе:

- используются общетеоретические положения для построения объяснительных механизмов взаимодействия традиций и инноваций в отношении истории процесса инкорпорации традиционных форм управления адыгов (черкесов) в российское общество и пониманию проблемы;

- проведен анализ характера изменений традиционной системы управления адыгов (черкесов) в ходе окончания военных действий на Северо-Западном Кавказе;

- исследовано функционирование органов управления адыгами (черкесами) Кубанской области в динамике вводимых административно-политических реформ Российской империи;

- проанализирован процесс изменения традиционной системы управления в ходе включения адыгов (черкесов) Кубанской области в административную систему Российской империи;

- рассмотрен процесс проявления элементов традиционного управления адыгов (черкесов) в российских административно-политических институтах власти.

Практическая значимость работы. Материалы диссертации, в том числе – впервые вводимые в научный оборот источники, могут быть использованы в научных исследованиях по широкому кругу проблем, связанных с отечественной историей, а также для написания обобщающих трудов по истории адыгов (черкесов), разработки учебных курсов по истории Адыгеи и народов северокавказского региона в целом. Практическая реализация результатов данного исследования возможна при организации реформ социального управления современного российского общества.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования изложены в авторских публикациях общим объемом 62 п.л. Ее основные итоги обсуждены на заседании кафедры истории и права Майкопского государственного технологического университета. Материалы исследования докладывались на ряде международных, республиканских, региональных и межвузовских научных конференций.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, включающие девять параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность избранной темы исследования, определены объект и предмет, территориальные и хронологические границы, цели и задачи исследования, сделаны общие выводы по состоянию источниковой базы, дана характеристика теоретико-методологической основы исследования, а также сформулированы положения, выносимые на защиту и практическая значимость диссертационной работы.

В первой главе **«Теоретико-методологические основы исследования проблемы»** определяются теоретические подходы к пониманию категорий «традиция», «инновация» и освещается уровень проработанности и основные тенденции развития историографии исследуемой проблемы.

Первый параграф данной главы «Теоретико-методологические подходы к пониманию соотношения традиций и инноваций» посвящен осмыслению основных теоретических положений и дефиниций. Проблема традиции – это комплексная проблема, в которой фокусируются многие жизненно важные для общества вопросы. А в связи с особым вниманием, уделяемым в последние годы вопросам консолидации человечества на основе взаимного понимания, возрастает потребность в исследовании механизмов действия традиций в прошлом и настоящем, в изучении их роли в поступательном развитии общества, и соотношении традиций и инноваций. Традиции наряду с врожденными навыками составляют одну из основ существования и самовоспроизведения человеческого общества, пребывающего в постоянном движении от прошлого к будущему, и его настоящее есть просто фаза между тем, что произошло и тем, что произойдет ¹.

---

¹ Штомка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 86.

Между тем, Э.С. Маркарян, посвятивший ряд своих специальных работ внутреннему содержанию понятий «культура» и «традиция», предлагал не смешивать такие понятия как «новация» (новшество) и «инновация» (нововведение). По мнению ученого, разграничение данных понятий имело ключевое значение для понимания динамики традиций¹. В научных же традициях англоязычных стран термин «новация» вообще не был выделен.

В мировой науке, с середины XX в. наблюдается возрастающий интерес к проблеме традиций и, благодаря усилиям многих исследователей, формируется отношение к традиции как предмету специального общетеоретического рассмотрения. Развитие как зарубежной, так и отечественной научной мысли позволяет проследить определенные тенденции в складывании научных представлений о соотношении традиции и инновации².

В 60-е – 70-е гг. XX в. в зарубежной научной литературе все чаще ставится вопрос о наличии в традиции внутренней и внешней стороны, о сущности традиции, которая неизменна, и форме выражения, которая может меняться. Со стороны формы традиция теперь определяется как, по существу, подвижное образование, подверженное изменениям и являющееся их проводником. К этому времени относится появление целой серии работ обобщающего характера, знаменовавших собой новый этап в осмыслении феномена традиций и вопроса соотношения традиции и инновации. В эти

---

¹ Маркарян Э.С. Проблема целостного исследования культуры в антропологии США // Этнология в США и Канаде. М., 1989. С. 42.

² Weber M. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. University of California Press. Berkley-Los Angeles-London, 1978. (1469 p.). V. I. p. 321-323; Benedict R. *Patterns of Culture*. Boston & New York: Houghton Mifflin Company, 1934. p. 36-37; Kroeber A.L., Kluckhohn C. *Culture: a Critical Review of Concepts and Definitions* // *Papers on the Peabody Museum*. Harvard, 1952. Vol. LXVI, № 1. p. 43-72. (Vol. 47. № 1. p. 181-198); Redfield R. *Peasant Society and Culture: An Anthropological Approach to Civilization*. Chicago, 1956. P. 27; Shils E. *Centre and Periphery* // Polanyi M. (ed.) *The Logic of Personal Knowledge: Essays*. London, 1961. P. 117; Hoselitz B.F. *Tradition and Economic Growth* // *Tradition, Values and Socio-Economic Development*. L., 1961. p. 99-100, P. 108; Royce A.P. *Ethnic Identity: Strategies of Diversity*. Bloomington, 1982. P. 137; Суханов И.В. Место и роль традиций в развитии социалистического общества // *Труды Казанского авиационного института*. Казань, 1960. Выпуск LIII; Серсенбаев Н.С. *Обычаи и традиции в развитии*. Алма-Ата, 1965; Сугормин А.И. *Особенное и общее в национальных традициях* // *Вопросы философии и социальной психологии*. XIII Герценовские чтения. Л., 1970; Плахов В.Д. В.И. Ленин и некоторые вопросы традиции // *В.И. Ленин и вопросы философской науки. Учёные записки кафедр общественных наук г. Ленинграда*. Философия. Выпуск XI. Л., 1970 и др.

годы появляются ряд публикаций западных учёных, посвящённых изучению традиций стран Востока и проявлений национальных традиций¹.

Западные учёные обратили внимание на то, что при соприкосновении традиции и инновации, традиционные институты изменяются так, чтобы соответствовать современной действительности, при этом, и новые институты также трансформируются в ходе адаптации к национальной традиции. Так, американский социолог Дж. Гасфилд отмечал, что способность старых и новых элементов культуры сосуществовать без конфликта и даже взаимно адаптироваться, весьма частое явление в социальных изменениях².

Лейтмотивом пронизывающим западную обществоведческую литературу стала мысль о том, что традиция и инновация, иначе традиция и современность, взаимосвязаны и взаимообусловлены. Итогом в отношении представлений о традиции и обобщением предшествующих научных изысканий, явились работы израильского социолога, специалиста в области теории цивилизаций Ш. Эйзенштадта, который видел в традиции двуединство – творческой и консервативной частей³.

Между тем, вопросы, связанные со способностью традиций изменяться или о соотношении традиции и инновации, волновали умы и многих отечественных учёных. Небезынтересно, что О.А. Осипова, в своем сравнительном анализе существующих трактовок понятия «традиция» в отечественной и североамериканской обществоведческой литературе 50-х – 80-х гг. XX в., отмечала сходные тенденции развития научной мысли⁴.

---

¹ Rudolph L.I. and Rudolph S.H. The Modernity of Tradition. Political Development in India. Chicago – London, 1967. P. 11, P. 23; Idem. The Political Modernization of on Indian Feudal Order: An Analysis of Rajput Adaptation in Rajasthan // Journal of Social Issues. 1968. Vol. XXIV. № 4. p. 93-94.

² Gusfield J.R. Tradition and Modernity: Misplaced Polarities in the Study of Social Change // American Journal of Sociology. 1966. Vol. LXXII. P. 354.

³ Eisenstadt S.N. Tradition, Change and Modernity. N.Y., 1973. P. 139; Idem. Socialism and Tradition // Socialism and Tradition. Jerusalem, 1976. p. 10-11; Idem. The Sociological Tradition: Origions, Boundraies, Patterns of Innovation, and Crises // Culture and Its Creators. Essays in Honor of Edward Shils. Chicago-London, 1977. P. 43; Idem. Frameworks of the Greate Revolutions: Culture, Social Structure, History and Human Agency // International Social Science Journal. August 1992. V.44. № 133. p. 51-52, p. 139-140; Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. С. 101.

⁴ Осипова О.А. Американская социология о традициях в странах Востока. М., 1985. С. 58-59.

Немаловажное значение для дальнейшей разработки общих проблем традиции имела статья Э.С. Маркаряна¹ и развернувшаяся дискуссия при ее обсуждении². За рамками традиции Э.С. Маркарян оставлял все те виды ненаследственного опыта людей, которые не носили группового характера, например сферу индивидуальной культуры³. Такая точка зрения ученого позволяла обосновать тезис о том, что и на современном этапе развития общества, традиция в несколько видоизмененных формах продолжает оставаться важнейшим регулятором социальной жизни. В результате прошедшей дискуссии при обсуждении статьи Э.С. Маркаряна, стало очевидно, что большинство ее участников высказались за расширение объема и содержания понятия «традиция», и выразили принципиальное согласие в отношении предложенного Э.С. Маркаряном определения, что, однако, и не исключило разногласий по отдельным его аспектам⁴.

Для этого этапа исследования традиции важное значение в общетеоретическом плане имела исследовательская работа В.Д. Плахова, специально посвященная разработке общей философско-социологической теории традиции⁵. Автором была предпринята попытка построения теоретической модели традиции на основании марксистско-ленинской философской науки, диалектико-материалистического учения о развитии, социальном управлении и организации, общей теории систем. При этом автор указывает и на то, что традиция является проявлением в общественных отношениях законов диалектики, и как следствие внутренней

---

¹ Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 78-96.

² Советская этнография. 1981. № 2. С. 97-115; Советская этнография. 1981. № 3. С. 45-78.

³ Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции ... С. 80.

⁴ Арутюнов С.А. Обычай, ритуал, традиция // Советская этнография. 1981. №2. С. 98; Чистов К.В. Традиция, «традиционные общества» и проблема варьирования // Советская этнография. 1981. № 2. С. 105-106; Бернштейн Б.М. Традиция и социокультурные структуры // Советская этнография. 1981. № 2. С. 107-108; Зыков М.Б. Понятие «память» как концептуальная основа для организации междисциплинарного исследования понятия «культурная традиция» // Советская этнография. 1981. № 3. С. 46-47; Крупник И.И. Традиция и «управление» динамикой культуры // Советская этнография. 1981. № 3. С. 51; Праздников Г.А. Традиция как диалог культур // Советская этнография. 1981. № 3. С. 56.

⁵ Плахов В.Д. Традиции и общество: опыт философско-социологического исследования. М., 1982.

противоречивости общественных отношений, «борьбы» устойчивости и изменчивости ¹.

Представляет несомненный интерес и наше дальнейшее продолжение в научных исследованиях Э.С. Маркаряна и С.А. Арутюнова решение рассматриваемой нами проблемы – соотношения традиции и инновации. Так, Э.С. Маркарян отмечал, что динамика культурных традиций, представляет собой постоянный процесс взаимных превращений инноваций в традиции и наоборот. Культурная традиция представляет собой один из важнейших механизмов культуры, благодаря которому, структурируется социальный опыт, посредством отбора и принятия соответствующих новаций ².

Заслуживает нашего особого внимания и подход А.С. Арутюнова к исследованию проблемы соотношения традиции и инновации. Ученый приходит к выводу о том, что традиции могут существовать без инноваций, но не наоборот, потому что традиция абсолютно необходима для самого поддержания существования общества, а инновация необходима для его развития. Трансформация через введение инноваций может происходить в любой из подсистем культуры, но степень интегрирования инновации зависит от того, насколько хорошо данная инновация принимается в других подсистемах, и имеет ли она существенное значение для функции самовоспроизводства ³.

Традиции стран Востока, будучи универсальным и неотъемлемым элементом социальной действительности, несущим основную этномаркирующую нагрузку, неизбежно становились предметом востоковедческих исследований ⁴. Изучение традиции в статике и динамике

¹ Плахов В.Д. Традиции и общество: опыт философско-социологического исследования ... С. 46.

² Маркарян Э.С. Проблема целостного исследования культуры в антропологии США ... С. 43.

³ Арутюнов С.А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 169.

⁴ Васильев Л.С. Традиция и проблема социального прогресса в истории Китая // Роль традиций в истории и культуре Китая. (Сб. ст.). М., 1972; Желуховцев А.Н. Роль традиции в формировании стереотипов мышления и поведения в современном Китае // Роль традиций в истории и культуре Китая (Сб. ст.) М., 1972; Бельский А.Г., Янов В.Ф. Традиционные культуры и модернизация в развивающихся странах // Народы Азии и Африки. М., 1977. № 1; Першиц А.И. Традиции и культурно-исторический процесс // Народы Азии и Африки. М., 1981. № 4; Першиц А.И. Динамика традиций и возможности их источниковедческого истолкования // Народы Азии и Африки. 1981. № 5; Хорос В.Г. К проблеме синтеза традиционного и современного в развивающихся странах Востока (некоторые методологические аспекты) // Структурные

давало возможность отечественным учёным с наибольшей объективностью описывать происходящие явления и процессы. Анализируя причины устойчивости традиций в странах Востока, учёные отмечали значение таких обстоятельств, как древность не допускающих возражений традиций, их неделимость, а кроме того большая численность носителей традиций и их изоляция от всего остального человечества. В тех случаях, когда традиция и общественное мнение народа, в общем и целом совпадают с важнейшими официальными нормами, действующими законами, принципами и практикой администрации, сила традиции оказывается непреодолимой.

Таким образом, в конце XX – начале XXI в. в результате накопленного фактического материала и расширения теоретических исследований, взгляды ученых на проблему соотношения традиции и инновации претерпели существенные изменения. Прежде всего, были подвергнуты переосмыслению представления о традиции и традиционных институтах как застойных, не способных к совершенствованию. Традиция обнаружила большие адаптивные возможности и способность изменяться по мере приспособления к меняющимся условиям. Учёные обратили внимание на то, что при соприкосновении традиции и инновации, традиционные институты изменяются так, чтобы соответствовать современной действительности, но и новые институты также трансформируются в ходе адаптации к традиции.

Инкорпорирование в российское общество адыгов (черкесов) заняло значительный промежуток времени, и было связано, в том числе, и с процессами взаимодействия традиций и инноваций. В этом смысле, история инкорпорации адыгов (черкесов) в течение XIX – начала XX в. в российское общество, дает нам уникальную возможность, используя весь накопленный мировой научный опыт исследования соотношения традиции и инновации,

---

сдвиги в экономике и эволюция политических систем в странах Азии и Африки в 70-е годы (Сб. ст.). М., 1982; Ерасов Б.С. Культурная динамика и идейные процессы в развивающихся странах // Структурные сдвиги в экономике и эволюция политических систем в странах Азии и Африки в 70-е годы (Сб. ст.). М., 1982; Традиции и современность в общественном развитии стран Востока (круглый стол) // Азия и Африка сегодня. М., 1983. № 7. С.34-35; Кочакова Н.Б. Традиционные институты управления и власти (по материалам Нигерии и Западной Африки). М., 1993 и др.

рассмотреть сложные механизмы включения традиций адыгов (черкесов) в качественно иной административно-политический контекст.

Во втором параграфе *«Историография проблемы: основные тенденции развития»*, отмечается, что сложность исследуемой проблемы потребовала привлечения разных по научной направленности и информационной насыщенности историографических источников.

В первой особой группе научной литературы нами собраны работы общетеоретического плана, позволяющие осмыслить такие базовые для данного исследования категории, как «власть» и «традиции управления»¹. Так, в рамках своей работы отечественный африканист В.В. Бочаров основное внимание уделил исследованию роли традиций в политических культурах африканских государств. И очень интересны его рассуждения о содержании понятия «власть», как общественного явления – ее источниках и природе. Понятие власти в человеческом обществе, отражающее принцип иерархичности между людьми и коллективами, характеризуется в виде властных отношений. Они могут быть поняты как процессы подчинения, которые пронизывают все уровни общественных взаимодействий и связаны, в свою очередь, с использованием различных средств принуждения при навязывании своей воли подвластным.

Анализ практики политического развития в государствах Африканского континента после получения ими политической независимости отчетливо свидетельствовал о том, что если создаваемые новые органы управления и не совпадали полностью с традиционными системами власти, то они все равно были вынуждены выполнять функции, присущие этим традиционным системам. В противном случае новая власть

---

¹ Куббель Л.Е. Очерки постстарно-политической этнографии. М., 1988; Бочаров В.В. Власть. Традиции. Управление: (Попытка этноисторического анализа политических культур современных государств Тропической Африки). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1992; Кучуков М.М. Национальное самосознание и межнациональные отношения. Нальчик, 1992; Панеш Э.Х. Традиции в политической культуре народов Северо-Западного Кавказа // Этнические аспекты власти. СПб., 1995; Её же. Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции. СПб., 1996; Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности. М., 1997; Лурье С.В. Историческая этнология. М.: Аспект пресс, 1997.; Вольтман Л. Политическая антропология. 2-е изд. М., 2000; Крадин Н.Н. Политическая антропология. М., 2004 и др.

лишалась авторитета у народа. Устойчивость африканской общины, как особой системы человеческой деятельности, обусловила, с одной стороны, сохранение традиционных авторитетов в новом политическом контексте, а с другой – диктовала образ поведения новым управленческим структурам, приближая его к своему пониманию управленческого процесса и способствуя тем самым отклонению его от официально предписанных правовыми документами норм ¹.

Примечательно, что Э.Х. Панеш, рассматривая процесс становления политической культуры Западной Черкесии, указывает на то, что этот регион обладает «характеристиками к супервыживаемости». И она делает вполне обоснованный вывод о невозможности разрушения традиционной структуры управления адыгского общества и на ее «потенциальной готовности принять в любой момент другую форму» ². Внутренний трансформационный потенциал традиционных структур управления Западной Черкесии объясняет симбиоз различных форм власти в регионе – как княжеской, общественной, субэтнической, союзной и архаической. Суть такой структуры управления сводится к тому, что какая бы часть ее ни была по той или иной причине разрушена, или под давлением, влиянием привносимых извне структур не изменила бы свою форму, всегда остаются другие ее составляющие, сохраняя и обеспечивая политическую, а в известном смысле, и этническую жизнеспособность ³.

В следующую особую группу научной литературы нами были отобраны работы отечественных исследователей, посвященные мусульманской правовой идеологии. Ислам – одна из мировых религий, которая наиболее близко соприкасается с темой нашего исследования и такими понятиями как «обычай», «право» и «государство» ⁴. До настоящего

¹ Бочаров В.В. Власть. Традиции. Управление ... С. 221.

² Панеш Э.Х. Традиции в политической культуре народов Северо-Западного Кавказа ... С. 34.

³ Там же. С. 35.

⁴ Бартольд В.В. Работы по истории ислама и арабского халифата // Соч. Т. VI. М., 1966; Керимов Г.М. Шариат и его социальная сущность. М., 1978; Мейер М.С. О соотношении светской и духовной власти в политической системе Османской империи // Народы Азии и Африки. 1979. № 3; Васильев Л.С. Ислам: направления, течения, секты. Ортодоксальный ислам. Сунниты. // Азия и Африка сегодня. 1980. № 1;

времени ислам остается одной из политико-идеологических основ большинства ближневосточных государств и во многом определяет их общественно-политические и государственно-правовые отношения. Ислам отождествляется с единством государства и религии, как гарантии идентичности мусульман и сплоченности мусульманской Уммы (общины). Ислам относится к власти как к политическому институту, связанному с шариатом и играющему главную роль в претворении в жизнь предписаний шариата в отношении функционирования системы органов государственной власти, а также прав и свобод человека. Шариат же представляет собой комплекс закрепленных, прежде всего, Кораном и сунной Пророка предписаний, которые определяют убеждения, формируют нравственные ценности и религиозную совесть мусульман, а также выступают источниками конкретных норм, регулирующих их поведение¹.

Васильев Л.С. Ислам: направления, течения, секты. Оппозиционный ислам. Шииты // Азия и Африка сегодня. 1980. № 2; Наумкин В.В. К вопросу о хасса и амма (традиционная концепция «элиты» и «массы» в мусульманстве) / Ислам в истории народов Востока. М., 1981; Каминский С.А. Институт монархии в странах Арабского Востока. М., 1981; Иванов Н.А. О некоторых социально-экономических аспектах традиционного ислама (на примере арабо-османского общества) // Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока. Сб. ст. М., 1982; Сюкияйнен Л.Р. Теория мусульманского государства и современность // Советское государство и право. 1983. № 9. С. 106-114; Хайдарова М.С. Основные направления и школы мусульманского права // Мусульманское право: (Структура и основные институты). Сб. ст., АН СССР, Ин-т государства и права. М.: ИГПАН, 1984. (145 с.). С.38-48; Прозоров С.М. Шиитская (имамитская) доктрина верховной власти // Ислам: Религия, общество, государство. (Сб. ст.). АН СССР, Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1984. С.204-211; Боголюбов А.С. Пресечение и наказание в мусульманском праве (VIII-IX) // Ислам: Религия, общество, государство. (Сб. ст.). АН СССР, Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1984. С.217-222; Государственная власть и общественно-политические структуры в арабских странах. История и современность. М., 1984; Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право: вопросы теории и практики. М.: Наука, 1986; Пиотровский М.Б. Исторические судьбы мусульманского представления о власти // Социально-политические представления в исламе. История и современность. М., 1987; Зубов А.Б. Парламентская демократия и политическая традиция Востока. М., 1990; Милославский Г.В. Ислам: модели политической и социальной организации общества / Интеграционные процессы в мусульманском мире (очерки исламской цивилизации). Отв. ред. Л.Р. Полонская. М., 1991; Ислам: Энциклопедический словарь / Г.В. Милославский, Ю.А. Петросян, М.Б. Пиотровский, С.М. Прозоров (отв. секр.). – М.: Наука. Главная редакция Восточной литературы, 1991. 315с.; Сюкияйнен Л.Р. Шариат и мусульманско-правовая культура / Отв. ред. Б.Н. Топорин; РАН Ин-т гос-ва и права. М., 1997; Его же. Политическая и правовая мысль Арабского Востока // История политических и правовых учений / Под общ. ред. В.С. Нерсисянца. М., 1999; Сапронова М.А. Основные черты и особенности функционирования политических систем арабских стран // Политические системы и политические культуры Востока / Под. ред. А.Д. Воскресенского. - 2-е изд. перераб. и доп. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 829 с. С. 139-184; Беккин Р.И. Мусульманское право как отражение специфики политико-правовой культуры мусульманского мира // Политические системы и политические культуры Востока / Под. ред. А.Д. Воскресенского. - 2-е изд. перераб. и доп. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. С. 232-283; Иванов Н.А. Труды по истории исламского мира. М.: Вост. лит., 2008; Шлыков П.В. Вакфы в Турции: трансформация традиционного института. М.:Изд. дом Марджани, 2011; Исламский фактор в истории и современности / Ин-т востоковедения РАН; отв. ред. Б.Я. Белокреницкий, И.В. Зайцев, Н.Ю. Ульченко. – М.: Вост. лит., 2011 и др.

¹ Ислам: Энциклопедический словарь ... С. 292.

Подход к государственному управлению, типичный для большинства мусульманских стран, исходит из иррационального представления о том, что верховным носителем суверенитета является только Аллах, а государство лишь служитель религии. И на основании такого представления о власти в суннитском исламе формируется политико-правовая теория мусульманского государства и важная ее составляющая – учение о Халифате. В соответствии с теорией, от имени Аллаха высшую власть на земле осуществляет мусульманская община, обладающая полным суверенитетом – отражением суверенитета Бога. Важнейшее право суверенной общины – избирать правителя – халифа, доверяя ему руководить собой¹. При этом, как в суннитской, так и в шиитской концепциях государственного управления важную роль играет такая категория, как «аш-шура», которая рассматривается в двух взаимосвязанных аспектах – и как совещательный орган при мусульманской политической власти, и как консультативный – при правителе².

Вместе с тем, нам хотелось бы обратить внимание на ряд научных работ Н.А. Иванова, ученого с широчайшим кругом интересов, одного из видных отечественных историков-арабистов, чьи исследования способствуют лучшему пониманию поставленной нами проблемы. Н.А. Иванов – создатель концепции арабо-османского феодализма, первым из отечественных арабистов понявшим необходимость изучения воздействия политических порядков и социальных институтов Османской империи на арабское общество. По его мнению, нет ничего более ошибочного, чем представлять шариат как некую отвлеченную доктрину, которая не могла оказывать реального влияния на повседневную жизнь общества. Ошибочно было бы представлять шариат и как своего рода религиозное право, которое, подобно христианскому каноническому праву, может существовать наряду со светским законодательством. В исламе не было ничего подобного, надо

---

¹ Сюкияйнен Л.Р. Теория мусульманского государства и современность ... С. 107.

² Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право: вопросы теории и практики ... С. 113.

иметь в виду, с самого начала учитывалось своеобразие местных условий и, что не менее важно, коллективный опыт общины (принцип иджма)¹.

Единство Османской империи при полной хозяйственной, административной и культурно-исторической обособленности отдельных провинций (эйалетов) основывалось исключительно на факторах морально-политического характера. Единство империи выражалось главным образом в признании верховной власти султана как главного исполнителя и хранителя священного закона. И как подчеркивал Н.А. Иванов, в Османской империи не было дворянства как наследственной аристократии крови, связанной с землевладением, а также какого-либо другого благородного сословия, которое, исходя из своего происхождения, было бы призвано управлять государством. Господствующий класс империи формировался на основе выдвижения за заслуги и представлял собой военно-служилую элиту, имел военный характер, был неразрывно связан с военной службой и поддерживал свое господство средствами внеэкономического принуждения².

Мусульманский вопрос занимал и занимает важное место во внутренней и внешней политике России. И принимая во внимание тот факт, что в жизни любого народа и в любой религии огромную роль играют традиция, привычка или даже инерция следования им, видный отечественный востоковед Р.Г. Ланда считает, что для определения подлинной сути современных отношений России и ислама необходим анализ истории этих отношений. По его мнению, при этом важно проследить за тем, как складывались, какой характер принимали на разных этапах этого сложного процесса взаимодействия России с миром ислама³.

Необходимо подчеркнуть, что в современной историографии происходит переосмысление ключевых категорий истории Российской империи и отход от упрощенной трактовки российского исторического опыта

---

¹ Иванов Н.А. Организация шариатской власти и административно-хозяйственного аппарата в османской империи XVI-XVII вв. (на примере арабских стран) // Иванов Н.А. Труды по истории исламского мира. М.: Вост. лит., 2008. С. 337.

² Иванов Н.А. О типологических особенностях арабо-османского феодализма // Иванов Н.А. Труды по истории исламского мира. М.: Вост. лит., 2008. С. 187-189.

³ Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. С. 7-8.

с помощью бинарной оппозиции «империя – нация». По мнению редакции журнала "Ab Imperio", новаторство состоит в переключении внимания с традиционной схемы русской истории на проблемы империи как многонационального государства, и на важность, равно как и противоречивость, движений национального возрождения¹.

В области теоретического осмысления имперской политики инкорпорации многонациональных окраинных территорий Российской империи и роли национальных движений на позднем этапе имперской истории, большой интерес вызывает работа А. Каппелера². Автор этого исследования сделал свой вклад в универсальную историю полиэтнических империй – в историческое направление, традиционно недооценивавшееся национально государственно ориентированной историографией. «Изучение полиэтнических империй может восстановить в нашей памяти альтернативные принципы конструирования государства и общества, – отмечает А. Каппелер, – и выявить неадекватность национально государственного (этнически зауженного) принципа. Для этих целей особенно хорошо подходит полиэтническая Российская империя с ее огромным этническим разнообразием, которое охватывает Европу и Азию, четыре мировые религии и широкую шкалу форм общежития и экономических занятий»³.

Обобщающий анализ механизмом включения отдельных этносов, социоэтнических и экономических структур присоединенных регионов в Российскую империю очень важен, и в будущем региональный подход к истории Российской империи станет особенно инновационным. По мнению А. Каппелера, преодолевая этноцентризм национально государственных традиций, региональный подход позволяет изучать характер полиэтнической империи на различных пространственных плоскостях. В отличие от

¹ Герасимов А., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А. От Редакции. Переосмысление понятий «империи» и «нации» в российской и советской истории: некоторые методологические подходы // Ab Imperio. Казань, 2000. № 1. С. 11.

² Kappeler A. Rußland als Vielvölkerreich. Entstehung, Geschichte, Zerfall. München, 1992.

³ Каппелер А. «Россия – многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // Ab Imperio. Казань, 2000. № 1. С. 18.

национальной истории, этнические и национальные факторы здесь не абсолютизируются, и наряду с конфликтами рассматривается более или менее мирное сосуществование различных религиозных и этнических групп¹.

В свою очередь, авторы проекта новой имперской истории – И. Герасимов, С. Глебов, Я. Кусбер, М. Могильнер и А. Семенов, предлагают сосредоточить внимание исследователей на имперском опыте, то есть реальном или семантически сконструированном столкновении с различиями, и на тех вопросах неравенства и дисбаланса власти, с которым это столкновение обычно связано. Различия как норма социально-политической реальности и их восприятие оказываются в центре этого проекта изучения истории Российской империи и размышлений его авторов о потенциале империи как критической аналитической категории². Новая имперская история деконструирует предполагаемые однородность и универсализм исторической «империи». «В то же время концепция имперской ситуации, – отмечают авторы проекта, – дает нам аналитический инструмент для сравнительного изучения множества уникальных обществ, поскольку они реагировали на различные вызовы в разных условиях при помощи схожих стратегий манипуляций различиями... Мы лишь пытаемся проблематизировать историческую реальность. Мы отказываемся категорически говорить об «имперском правлении» или «имперском господстве» по той же причине, по какой больше не говорим о «кровожадных дикарях», умертвлявших белых колонистов, или о «мусульманских фанатиках», или о «темных крестьянах», участвовавших в Жакерии»³. Вместо этого ученые различают действующие лица и силы, которые образовывали «имперские формации» и «имперские ситуации», демонстрируя иную рациональность и по-иному реагируя на вызовы логики ситуации. При этом, важно оставаться честными в изучении истории, в

---

¹ Каппелер А. «Россия – многонациональная империя» ... С. 31.

² Герасимов И., Глебов С., Кусбер Я., Могильнер М., Семенов А. Новая имперская история и вызовы империи // *Ab Imperio*. Казань, 2010. № 1. С. 35-36.

³ Там же. С. 50-51.

критическом анализе разных форм рациональности и рационализации прошлого.

И наконец, в третью особую группу историографических источников мы выделили обобщающие исследования, посвященные истории народов Северного Кавказа, в том числе и адыгов (черкесов)¹. В этих работах, наряду с анализом общих закономерностей и особенностей истории народов Северного Кавказа, рассматривались некоторые аспекты, которые помогают лучше понять природу и происхождение отдельных элементов традиционной системы управления адыгов (черкесов). Эти исследования являлись

¹ Аутлев М., Зевакин Е., Хоретлев А. Адыги: историко-этнографический очерк. Майкоп, 1957; Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965; Его же. Земельная реформа и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии // История КБАССР. М., 1967; Чекменов С.А. Очерки Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967; Ибрагимбеи Х.М. Кавказ в Крымской войне 1853-1856 гг. и международные отношения. М., 1971; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII- начале XX века. М., 1974; Кобычев В.П. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX-XX вв. М., 1982; Мусукаев А.И. Об обычаях и законах горцев: Традиционные и общественные институты в советской исторической науке. Нальчик, 1986; История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917г.) / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М., 1988; Волкова Н.Г. Этнокультурные контакты народов горного Кавказа в общественном быту (XIX - начала XX в.) // Кавказский этнографический сборник. М., 1989. Вып. 9; Блиева З.М. Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX века. Владикавказ, 1992; Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Этническая история Северного Кавказа XVI – XIX вв. М., 1993; Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994; Шеуджен Э.А. Северный Кавказ. Национальные традиции: историографические проблемы // Национальные традиции народов Адыгеи: генезис, сущность и проблемы воспитания. Материалы конференции (4-5 ноября 1993). Майкоп, 1994; Гугов Р.Х. Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. Нальчик, 1999; Нагоев А.Х. Средневековая Кабарда. Нальчик, 2000; Кобахидзе Е.И. Осетия в системе государственно-административного управления российской империи (конец XVIII – XIX вв.) // Этнографическое обозрение. М., 2003; Трехбратов Б.А. История Кубани. Краснодар, 2005; Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20-60-х гг. XIX в. Махачкала, 2006; Дадаев Ю.У. Государство Шамиля. Социально-экономическое положение, политико-правовая и военно-административная система управления. Махачкала, 2006; Кудаева С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: Процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. Майкоп, 2006; Гутнов Ф.Х. Горский феодализм. Владикавказ, 2007; Муратова Е.Г. Социально-политическая история Балкарии XVII - начала XX в. Нальчик, 2007; История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007; Калмыков Ж.А. Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII - начало XX века). Нальчик, 2007; Алиев Б.Г. Свободное узденство феодального Дагестана (XVIII - первая половина XIX в.). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007; Гудаков В.В. Северо-Западный Кавказ в системе межэтнических отношений с древнейших времен до 60-х годов XIX века. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Мальцев В.Н. Формирование центральных органов управления Кавказом: VI временное отделение и комитет по делам Закавказского края (1842-1845 гг.) // Вестник Адыгейского госуд. ун-та. 2007. № 1; Его же. Российская имперская политика на Кавказе: к вопросу терминологии // Вопросы теор. и метод. истории: сб. науч. тр. Майкоп, 2007. № 6; Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007; Кобахидзе Е.И. Институты власти и управления у осетин (конец XVIII – XIX вв.). Владикавказ, 2008; Алиев Б.Г. Крестьянство Дагестана в XVIII - первой половине XIX в. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2009; Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля / Под ред. В.Г. Гаджиева, Н.Н. Покровского. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2009; Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках: Сборник статей к 100-летию со дня рождения Л.Н. Лаврова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010; Кубашичева З.Ю. Формирование этнической карты Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – начало 20-х гг. XX вв.). Майкоп: Изд-во «З.В. Паштов», 2010; Марзоев И.Т. Привилегированные сословия на Кавказе в XVIII - начале XX веков. Владикавказ: Издательская мастерская «Перо и Кисть», 2014 и др.

результатом усилий большого коллектива ученых, в них содержится обширный материал, подтвержденный археологическими памятниками и этнографическими наблюдениями. К этой же группе можно отнести исследования взаимоотношений северокавказских этнополитических образований с Россией, рассматриваемые либо в контексте Кавказской войны, либо в русле административно-территориальных преобразований в кавказском регионе Российской империи.

Весомый вклад в осмысление проблем этнической истории кавказских народов был сделан представителями дагестанской академической научной школы. Нельзя оставить без нашего внимания и новый взгляд на проблемы общественного строя народов Дагестана сформированный в работах таких известных отечественных ученых как Х.-М. О. Хашаев, Р.М. Магомедов, С.Ш. Гаджиева, Османов М.-З. О., А.Р. Шахсаидов, В.Г. Гаджиев, и др.¹

Изучение общины Дагестана, в рамках исследования общей картины формационного состояния дагестанского общества в XIX в. было продолжено М.А. Агларовым, который приходит к выводу, что общинные формы, пережив качественно новые изменения в отношении собственности, поднялись на уровень самоуправляемых политических образований («республики», «вольные общества», суперсоюзы и федерация «вольных обществ», метасоюзы и т.д.), и в таком своем качестве они встали вровень с феодальными образованиями. Самоуправляемые общины или союзы при определенных условиях имели «этнографический эффект», и, как отмечал М.А. Агларов: «Феномен многоязычия (полиэтничности) Дагестана

---

¹ Хашаев Х.-М. О. К вопросу о тухумах, сельских общинах и вольных обществах в Дагестане // Учен. Зап. ИИЯЛ. 1956. Т. 1; Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1957; Его же. Адааты дагестанских горцев как исторический источник. М., 1960; Гаджиева С.Ш. Материальная культура кумыков в XIX – XX вв. Махачкала, 1960; Хашаев Х.-М. О. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961; Гаджиева С.Ш. Кумыки: Историко-этнографическое исследование. М., 1961; Османов М.-З. О. Поселения даргинцев в XIX – XX вв. // Учен. Зап. ИИЯЛ. 1962.Т. 10.; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1969; Шахсаидов А.Р. Дагестан в X – XIV вв.: Опыт социально-экономической характеристики. Махачкала, 1975; Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа. (Тезисы докладов конференции). Махачкала, 1980; Гаджиев В.Г. Союзы сельских общин Дагестана // Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII – начале XIX в Махачкала, 1981 и др.

объясняется именно этим состоянием и свойством общин, а не переживаниями «родоплеменных» различий в условиях горной изоляции»¹.

В общей характеристике кавказоведческих исследований нам нельзя оставить в стороне работы Б.Г. Алиева, одного из выдающихся ученых Дагестана. На основе обобщения всех доступных источников и собранного историко-этнографического материала Б.Г. Алиев дает развернутое объяснение терминов «узденъ» и «свободный узденъ», показывает положение узденей в обществе, взаимоотношения свободного узденя и общины, права и обязанности узденей, формы их зависимых отношений². Раскрытая в работе ученого тема свободного узденства имеет не только научное, практическое, но и общетеоретическое значение, потому что свободное узденство существовало не только в Дагестане, но и у других народов Кавказа³.

Базовую группу нашего исследования составляют научные работы, посвященные социально-экономическим, политическим и культурным проблемам, позволяющие реконструировать состояние адыгского общества и традиционной системы управления адыгов (черкесов) в XIX – начале XX в., в историографическом плане, которые возможно разделить на три периода – дореволюционный, советский и постсоветский.

Первые значимые описания быта и социально-политического состояния черкесских субэтнотел были приведены в работах Я. Потоцкого, Ю. Клапрота, И.А. Гюльденштедта, С.М. Броневского и др.⁴ В этих

¹ Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (Исследования взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). М.: Наука, 1988.

² Алиев Б.Г. Свободное узденство феодального Дагестана (XVIII – первая половина XIX в.). Махачкала, ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007; Алиев Б.Г. Крестьянство Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2009 и др.

³ Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в трудах Р.М. Магомедова // Актуальные проблемы истории Кавказа: Материалы международной конференции, посвященной 100 летию со дня рождения профессора Р.М. Магомедова (Махачкала 14-15 апреля 2010 г.). Махачкала: Издательство ДГУ, 2010. С. 16.

⁴ Gmelin S.G. Reise durch Russland. Teil. 4. St.-Pb., 1784. P.1-229; Klapproth J. Travels in The Caucasus and Georgia, performed in the years 1807 and 1808, by command of The Russian Government. London: Printed for Henry Colburn, 1814; Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа / Из путешествия академика И.А. Гюльденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72, 73 годах. СПб., 1809; Klapproth J. Voyage au Mont Caucase et En Georgie. Paris, 1823; Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 1-2; Klapproth J. Tableau historique, géographique, ethnographique et politique Du Caucase et provinces limitrophes Entre La Russie et La Perse. Paris, 1827; Potocki J. Voyage dans les steps D'Astrakhan et Du Caucase. Paris, 1829; Дебу И. О кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске. СПб., 1829; Новицкий Г.В. Географическо-статистическое обозрение земли, населенной адехе // Тифлисские ведомости. Тифлис, 1829; Gldenstdt J.A. Beschreibung

исследованиях дается достаточно полная характеристика различных сторон жизни черкесских субэтносов, описаны территории их расселения, организации общества и системы управления. Однако, к работам авторов первой половины XIX в. требуется критический подход, так как некоторые из них искаженно представляли сущность общественного строя адыгов (черкесов), как бесклассового родового общества с кочевым скотоводством (Н. Карлгоф, Я. Абрамов и др.). Другие придерживались противоположной точки зрения, утверждая, что в адыгском обществе в этот период уже существовали вполне развитые феодальные отношения (С.М. Броневский, Л.Я. Люлье и др.)¹.

Наиболее крупными из адыгских общественных деятелей первой половины XIX в. были Ш.Б. Ногмов и Хан-Гирей². Наряду с вопросами материальной культуры, семейного и общественного быта, в их работах дается описание духовной жизни адыгов (черкесов). Труды Хан-Гирея представляют собой первое в кавказоведческой литературе системное историко-этнографическое описание черкесских субэтносов и содержат глубокое исследование их истории, этнографии, культуры и быта. Обращаясь к историческому прошлому, Хан-Гирей показывает изменения, происходившие в жизни черкесского общества под влиянием социально-экономических и политических обстоятельств, вскрывает причины упадка

---

dur Kaukasischen Länder. London – Berlin, 1834; De Marigny T. Three Voyages in the Black Sea to the Coast Of Circassia; including description of the ports, and the importance of their: with sketches of the manners, customs, religion of the circassians. London: J. Murray, 1837; Spencer Ed. Travels in Western Caucasus, including a Tour Through Imeritia, Mingrelia, Turkey, Moldavia, Calicia, Silesia, and Moravia in 1836. In two volumes. London: Henry Colburn, I Vol. 1838, II Vol. 1839; Spencer Ed. Travels in Circassia, Krim-Tartary. (Third Edition). Vol. II. London: Henry Colburn, 1839; Bell J.S. Journal of a Residence in Circassia during the years 1837, 1838 and 1839. In two volumes. London: Edward Moxon, 1840; Главани К. Описание Черкесии // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893. Вып. 17 и др.

¹ Карлгоф Н. О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря // Русский вестник. 1860. Т.28. №16. Кн.2; Люлье Л.Я. Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами, называемыми черкесами (адыге), абхазцами (азега) и др. смежными с ними. Тифлис, 1857; Его же. Учреждения и народные обычаи шапсугов и натухажцев // Записки Кавказского отд. Русского геогр. общества. Тифлис, 1866. Кн.7. Вып.1; Его же. О натухажцах, шапсугах и абадзехах // Черкесия. Историко-этнографические статьи. Краснодар, 1927; Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. 21; Абрамов Я. Кавказские горцы. Краснодар, 1927 и др.

² Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1982; Хан-Гирей. Черкесские предания. Нальчик, 1989; Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992.

княжеских владений и усиления черкесских субэтносов, имеющих народное правление.

Во второй половине XIX в. выходит ряд значимых для нашей темы работ, авторы которых описывают традиционную систему управления, социальное устройство адыгского общества, механизм судебного разбирательства, исторические предпосылки изменения политического устройства у некоторых черкесских субэтносов¹. Особое место среди них занимают работы по военной истории Кавказской войны, написанные военными чиновниками, участниками и очевидцами этих событий, которые, несмотря на свою тенденциозность, содержат богатый фактический материал.

Важное место в историографии занимают труды русских кавказоведов М.М. Ковалевского, Ф.И. Леонтовича и др.² В них достаточно глубоко проанализирован общественный строй адыгов (черкесов), сферы функционирования обычного права, но, при этом, они недооценили уровень феодальных отношений, преувеличивая значение патриархально-родового уклада в общественном строе адыгов (черкесов).

В конце XIX – начале XX в. появляется литература, в которой исследуются различные аспекты изучаемой проблемы³. Большинство

¹ Махвич-Мацкевич А.О. Абдзехи, их быт, нравы и обычаи // Народная беседа. СПб., 1864. Кн. 3; Каменев Н. Бассейн Псекупса // Кубанские (войсковые) областные ведомости. Екатеринодар, 1867. № 2, 5, 14, 23, 27, 28, 29, 49, 50; Невский П. Закубанский край в 1864 году: Путевые воспоминания // Кавказ. 1868. № 97, 98, 100, 101; Духовский С. Материалы для описания войны на Западном Кавказе. Даховский отряд на южном склоне гор в 1864 // Военный сборник. СПб., 1864. № 11,12; Его же. Набег в Тубы на Западном Кавказе (1-16 января 1864г.) // Военный сборник. 1865. №3; Гейнс К. Пешехский отряд с октября 1862 по ноябрь 1864 г. // Военный сборник. 1866. Т.48.; Хагондоков Н. Из записок черкеса // Военный сборник. 1867. № 3; Атарщиков Г. Заметки старого кавказца о боевой и административной деятельности на Кавказе генерал-лейтенанта барона Григория Христофоровича Засса // Военный сботник. 1870. Т.74; Шпаковский А. Записки старого казака: О Кавказе // Военный сборник. 1870. Т.74; Берже А. Этнографическое обозрение Кавказа. СПб., 1879; Венюков М.И. Кавказские воспоминания // Русский архив. 1880. Кн.1; Берже А. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 1882. Т.33. №1.; Филиппсон Г.И. Воспоминания // Русский архив. 1883. Т.3; Фелицын Е.Д. К вопросу о сословиях у горских племен Кубанской области // Кубанские областные ведомости. Екатеринодар, 1887. №27; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871-1887. Т. 1-6 и др.

² Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев. Одесса, 1882; 1883. Вып. 1-2; Ковалевский М.М.. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890.Т. 1 и др.

³ Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: В 5 т. СПб.,1885-1891; Его же. История 44-го драгунского Нижегородского полка. СПб., 1893. Т.2; Щербина Ф.А. Общинный быт и землевладение у кавказских горцев // Северный вестник. 1886. № 1; Фадеев Р.А.Собрание сочинений. СПб., 1890. Т.1; Васильков В.В. Очерк быта темиргоевцев // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1901. Вып.29; Фелицын Е.Д. Князь Сефер-Бей Зан // Кубанский сборник.

публикаций носит предвзятый характер, выражает официальную позицию или собственные политические взгляды авторов. Наиболее ярко это прослеживается в трудах В.А. Потто, Ф.А. Щербины, П.П. Короленко, Р.А. Фадеева, С. Эсадзе и других авторов, сознательно занижавших уровень общественного строя черкесских субэтносов в прошлом.

Исследованием проблем традиционной системы управления адыгов (черкесов) занимались историки и в советский период. Так, изданные в 20-е – 30-е гг. XX в. труды по этнографии адыгов (черкесов), будучи полными по охвату реалий традиционных институтов управления, фиксируют исследуемое явление в статике. В основе своей концепции эти работы содержат, наряду с сугубо этнографическими, ярко выраженные идеологические мотивы ¹.

Аналогичными недостатками характеризуются и обобщающие работы 40-х – 70-х гг. XX в. историко-этнографического плана, включающие разделы по общественному строю, политическому устройству, социально-экономическому развитию адыгов (черкесов) в XIX – начале XX в. ²

Екатеринодар, 1904.Т.10; Симонов Л.В. Один из потомков Нашебургского полка // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1906. Т.12; Короленко П.П. Записки о черкесах // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1908. Т. 14; Семин О. Великая годовщина. Аграрный вопрос и крестьянская (крепостная) реформа на Кавказе. Киев, 1911; Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т.2; Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913; Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Тифлис, 1914; Линден В. Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав. Тифлис, 1914; Авалиани С.А. Зависимые сословия на Северном Кавказе. Одесса, 1914 и др.

¹ Раенко-Туранский Я.Н. Адыгея до и после Октября. Ростов-на-Дону, Краснодар, 1927; Суюхов С., Алиев У., Городецкий Б. Адыгея. Ростов-на-Дону, 1927; Фадеев А.В. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // Исторический сборник. М., 1935. №4; Лавров Л.И. Из поездок в Черноморскую Шапсугию летом 1930 г. // Советская этнография. 1936. №4, 5 и др.

² Косвен М.О. Проблемы общественного строя горских народов Кавказа в ранней русской этнографии // Советская этнография. 1951. № 1; Невская В.П. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия. Черкесск, 1956; Аутлев М., Зевакин Е., Хоретлев А. Адыги: историко-этнографический очерк. Майкоп, 1957; Покровский М.В. Русско-адыгейские торговые связи. Майкоп, 1957; Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в 16-19 вв. М., 1958; Покровский М.В. Адыгейские племена в конце XVIII – первой половине XIX вв. М., 1958; Фадеев А.В. К вопросу о социальном строе кавказских горцев XVIII – XIX вв. в новых работах советских историков // Вопросы истории. 1958. № 1; Его же. Основные этапы в развитии русско-кавказских связей // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1960. Т. 17; Косвен М.О. Адыгейский историк и этнограф Хан-Гирей // Этнография и история Кавказа: Исследования и материалы. М., 1961; Гарданов В.К. О расселении и численности адыгских народов в первой половине XIX века // Советская этнография. 1963. № 4; Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963; Кумыков Т.Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. Нальчик, 1965; Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX века). М., 1967; Чекменев С.А. Очерки Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967; Кумыков Т.Х. Земельная реформа и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии // История КБАССР. М., 1967. Т. 1; Робакидзе А.И. Особенности патронимической организации у народов Горного Кавказа: В связи с вопросом о соотношении патронимии

Несмотря на подробное описание трагических событий середины XIX в., традиционная система управления адыгов (черкесов) подается отечественными историками как неизменная величина, не испытывавшая никаких деформаций военного и пореформенного периода. При всех существующих разногласиях по вопросам общественного развития, большинство авторов не отрицает наличия феодальных отношений в адыгском обществе этого периода и признает их ведущую роль в общественных отношениях.

В конце 50-х гг. XX в. М.В. Покровский одним из первых занялся разработкой проблемы особенностей развития феодализма у адыгов (черкесов). В своих трудах он приводит отличительные характеристики «аристократических» и «демократических» черкесских субэтносов, заключающиеся в особом характере развития феодальных отношений в каждой из этих групп. По мнению М.В. Покровского, основой общественной жизни этих групп выступала община.

Определенной вехой в изучении трансформации традиционной системы управления черкесских субэтносов стала монография В.К. Гарданова, посвященная общественному строю адыгов (черкесов). Он впервые в советском кавказоведении подверг аргументированной критике тенденциозные высказывания у Н. Дубровина, А. Щербины, В. Потто и других авторов об уровне хозяйственного развития адыгов (черкесов), подчеркивая при этом, что подобная позиция была выгодна для «обеления» колониальной политики царизма.

рода и семьи // Советская этнография. 1968. № 5; Налоева Е.Дж. К вопросу о социальных отношениях в Кабарде в первой половине XVIII века // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1968. Вып. 1; Джимов Б.М. Общественный строй дореформенной Адыгеи (1800-1868 гг.) // Ученые записки АНИИ. Т. 11. Майкоп, 1970; Его же. Крестьянское движение в дореформенной Адыгее (1793-1868 гг.) // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института экономики, языка, литературы и истории. Майкоп, 1970. Т. 11; Сокуров В.Н. Из истории взаимоотношений Кабарды и Крыма в конце XVII-начале XVIII века // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1976; Робакидзе А.И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Советская этнография. 1978. №2; Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978; Куадже Р.З. Правовое положение классов и социальных групп адыгского общества XVIII-первой половины XIX в. // Культура и быт адыгов. Майкоп, 1980; Налоева Е.Дж. Об особенностях кабардинского феодализма // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980 и др.

Особое место в постсоветской отечественной историографии конца XX – начала XXI в. по проблемам социально-политической истории адыгов (черкесов) занимают работы таких авторов, как М.М. Блиев, Т.К. Кумыков, К.М. Думанов, В.Х. Кажаров, А.Д. Панеш, А.Ю. Чирг и др.¹

Значимым событием в исследовании вопросов общественно-политического развития адыгов (черкесов) стал выход в свет работ В.Х. Кажарова, Р.В. Хапачевой, А.Ю. Чирга. В работах В.Х. Кажарова в полной мере нашли отражение вопросы трансформации системы управления адыгского общества в XIX в., рассматриваемые автором как «деструктивные последствия взаимодействия социальных систем, находящихся на различных стадиях развития»². Автор использовал главным образом кабардинский материал, однако, в силу типологической идентичности общественных институтов восточных и западных адыгов, его теоретические построения были шире и явно выходили за рамки кабардиноведения. В.Х. Кажаров считал, что основной структурообразующей единицей управления адыгов

¹ Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. 1983. № 2; Киняпина Н.С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX в. // Вопросы истории. 1983. № 4; Невская В.П. Проблемы сельской общины у горских народов Северного Кавказа в советском кавказоведении // Известия Северокавказского научного центра высшей школы. Ростов-на-Дону, 1985. № 1; Джимов Б.М. Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в. Майкоп, 1986; Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: Социально-экономические очерки. Краснодар, 1989; Блиев М.М. К проблеме общественного строя горских («вольных») обществ Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа XVIII-первой половины XIX века // История СССР. 1989. № 4; Думанов Х.М. Социальная структура кабардинцев в нормах адата. Нальчик, 1990; Кажаров В.Х. Адыгская хаса. Из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии. Нальчик, 1992; Думанов Х.М. Землевладение и земельно-иерархическое право в Кабарде в первой половине XIX в. // Актуальные проблемы феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1992; Кажаров В.Х. Адыгская вотчина. К проблеме основной социальной единицы адыгского феодального общества. Нальчик, 1993; Бейтуганов С.Н. Кабарда и Ермолов. Нальчик, 1993; Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик, 1994; Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис Восточного вопроса в конце 20 – начале 30-х гг. XIX в. Майкоп, 1994; Чирг А.Ю. Политические реформы на Западном Кавказе в 1847-1850 гг. // Кавказская война: уроки истории и современность: Материалы научной конференции. Краснодар, 1995; Панеш А.Д. Магомет-Амин на Северо-Западном Кавказе (1848-1859 гг.) // Россия и Черкесия (вторая половина XVIII – XIX вв.). Майкоп, 1995; Губжоков М.Н. Этнокультурные процессы на Северо-Западном Кавказе в первой половине XIX века (по архивным источникам антропологического характера) // Этюды по истории и культуре адыгов. Майкоп, 1999. Вып. 2; Хапачева Р.В. Адыгские народные собрания – истоки, развитие, функции. Майкоп, 2000; Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII-60-е гг. XIX в.). Майкоп, 2002; Чирг А.Ю., Денисова Н.Н., Хлынина Т.П. Государственность Адыгеи: этапы становления и развития. Майкоп, 2002; Чирг А.Ю., Женетль Н.Х. Бжедуги в конце XVIII – первой половине XIX в: социально-экономические отношения и политическое развитие. Майкоп, 2006; Панеш А.Д. Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829-1864 гг.). Майкоп, 2006; Панеш А.Д. Западная Черкесия в системе взаимодействия России с Турцией, Англией и имамом Шамиля в 19 в. (до 1864г.). Майкоп, 2006 и др.

² Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев ... С. 3.

(черкесов) была вотчина-община. Кроме того, автор делает вывод, что в рассматриваемый период демократизация общественно-политического устройства шапсугов, натухаевцев и абадзехов обусловила выход из социального тупика «аристократических» черкесских субэтносов. Объединительные тенденции адыгского общества нашли свое идеологическое оформление в исламе, который провозглашал равенство людей перед Алахом и оправдывал войну с неверными ¹.

Особую значимость представляет оценка авторами событий, связанных с организацией властных структур в адыгском обществе и попыткой создания Черкесского государства. Так, основываясь на широком круге источников, в том числе и впервые введенных в научный оборот, А.Ю. Чирг приходит к заключению, что создание сочинского меджлиса 1861 г. является ярким примером государственно-правового творчества адыгов. Вместе с тем, заложенный в меджлисе потенциал не успел в полной мере реализоваться вследствие поражения адыгов (черкесов) в Кавказской войне и вынужденного переселения большинства из них в пределы Османской империи. А.Ю. Чирг в своих работах указывает на поступательный процесс развития адыгской государственности до 60-х гг. XIX в., отмечая, что общественно-политические преобразования у адыгов (черкесов) были вызваны как внутренними социально-экономическими причинами, так и внешними факторами ². В свою очередь, А.Д. Панеш, исследуя основные тенденции взаимодействия адыгов (черкесов) Северо-Западного Кавказа с имаматом Шамиля в годы Кавказской войны, указывает на значительную роль ислама в политической консолидации черкесов. А.Д. Панеш отмечает, что идеи ислама объективно послужили фактором расширения фронта освободительного движения северокавказских народов.

До настоящего времени остаются дискуссионными вопросы о степени распространения ислама среди адыгов (черкесов) и роли ислама в их борьбе

---

¹ Кажаров В.Х. Песни, ислам и традиционная культура адыгов в контексте Кавказской войны // Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2014. С. 43.

² Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов ... Майкоп, 2002.

за независимость¹. Недостаточно изученным остается вопрос о роли религиозного фактора в массовом сознании и связанной с этим проблемой переселения адыгов (черкесов) в Османскую империю. Большинство современных историков, занимающихся проблемами Кавказской войны, сходятся во мнении, что религия сыграла определенную роль в переселении, но ее можно отнести только к второстепенным факторам. Некоторые исследователи считают, что для понимания этого вопроса необходимо обратиться к сфере духовно-нравственной культуры адыгов (черкесов), в основе которой лежит система моральных ценностей «адыгагъэ» (адыгство – адыгский этикет). Наиболее полное освещение эти проблемы получили в работах Б.Х. Бгажнокова и К.Х. Унежева².

При изучении традиционных институтов управления и власти в адыгском обществе, их трансформации нельзя не обратить внимание на монографии и статьи таких авторитетных специалистов в этой области, как В.А. Матвеев, И.Л. Бабич, Н.А. Нефляшева и Ю.Д. Анчабадзе³.

Занимаясь вопросами реального полиэтнонационального «совместничества», получившего в 90-е гг. XX в. наименование

¹ Фадеев А.В. О внутренней социальной базе мюридистского движения на Кавказе // Вопросы истории. 1955. № 6; Бушуев С.К. О Кавказском мюридизме // Вопросы истории. 1956. № 12; Даниялов Г.Д. О движении горцев под руководством Шамиля // Вопросы истории. 1956. № 7; Гаджиев В.Г. Нерешенные и спорные вопросы истории Кавказской войны // Кавказская война: Спорные вопросы и новые подходы. Махачкала, 1998 и др.

² Унежев К.Х. Феномен адыгской (черкесской) культуры. Нальчик, 1997; Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. Нальчик, 1999.

³ Матвеев В.А. Россия и Кавказ в объективе исторических познаний // Практические опыты исторического регионоведения. Вып. 16. Армавир – Ростов-на-Дону. 1998; Бабич И.Л. Эволюция правовой культуры адыгов (1860-1990-е годы). М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999; Матвеев В.А. Российское мусульманство на Северном Кавказе: исторические аспекты проблемы // Практические опыты исторического регионоведения. Вып. 44. Армавир – Ростов-на-Дону. 2004; Матвеев В.А. Российская политика на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. (административно-территориальные аспекты) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. № 4. Ростов-на-Дону. 2008. С. 74-77; Бабич И.Л. Государственно-правовое регулирование религиозной политики Российской империи на Северном Кавказе (конец XVIII – начало XX вв.) // Кавказ & Глобализация. Том 2. Выпуск 3. М., 2008. С. 48-62; Нефляшева Н.А. Эволюция функций и статуса служителей мусульманского культа на Северо-Западном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник МГУ. Сер.13. Востоковедение. М., 2008. № 4. С. 34-55; Бабич И.Л. Мусульманская жизнь горцев в контексте религиозной политики России на Северном Кавказе в XIX – начале XX вв. // Научная мысль Кавказа. Ростов-на-Дону, 2009. № 1. С. 71-80; Нефляшева Н.А. Мусульманское образование на Северо-Западном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник МГУ. Сер.13. Востоковедение. М., 2009. № 4. С. 72-92; Анчабадзе Ю.Д. Политическая культура адыгов: традиционные институты и их эволюция (вторая половина XIX в. – 1920-е годы). М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2012; Матвеев В.А. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.): автореф. дис. ... доктора истор. наук. Ростов-на-Дону, 2013 и др.

«российскости», как возможной тенденции формирования русско-кавказского политико-государственного и историко-культурного единства, В.А. Матвеев разрабатывает интересную тему российской универалистской трансформации, способствовавшей сплочению разнородных этносов на Северном Кавказе. Отечественный исторический опыт в сплочении полиэтнических государственных элементов имеет немало конструктивных примеров¹. По мнению В.А. Матвеева, российскую универалистскую модель обустройства северокавказской окраины нельзя рассматривать как совершенную, но установление окончательного гражданского спокойствия на Северном Кавказе достигалось чаще всего не подавлением, а в результате долговременного компромисса. И в длительном процессе установления единства с Кавказом всегда была заметна борьба противоречивых тенденций в самой российской политике. Ученый отмечает также, что с расширением во второй половине XIX в. границ Российской империи на Восток, с включением в ее состав обширных территорий с мусульманским населением, прежняя формула стратегических приоритетов развития «Православие. Самодержавие. Народность» устарела и требовала обновления².

В свою очередь, как показали исследования И.Л. Бабич, период с конца XIX в. по начало XX в. стал временем активизации мусульманской жизни на национальных окраинах Российской империи. Массовое переселение наиболее радикально настроенных мусульман Северного Кавказа во второй половине XIX в. способствовало изменению позиции по отношению к России в мусульманских общинах – число пророссийски настроенных, в том числе и среди мусульманского духовенства постепенно увеличивалось³. Оставалось много вопросов к глубине познаний мусульманского права и положений шариата северокавказских кадиев горских словесных судов⁴.

Не менее интересные замечания были сделаны Н.А. Нефляшевой в отношении организации во второй половине XIX – начале XX в.

---

¹ Матвеев В.А. Российская универалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе ... С. 32.

² Матвеев В.А. Российское мусульманство на Северном Кавказе ... С. 17.

³ Бабич И.Л. Мусульманская жизнь горцев в контексте религиозной политики России ... С. 71.

⁴ Там же. С. 76-77.

мусульманского образования и духовного управления на Северо-Западном Кавказе. Так сложилось, что исламское образование здесь осуществлялось при мечетях или на дому у местных аульных мулл, получивших мусульманское образование в Дагестане или в Османской империи¹. По мнению Н.А. Нефляшевой, комплекс стереотипов русской политической элиты на всех уровнях власти предопределял отношение к северокавказским горцам как неуправляемым и «склонным к разбоям фанатикам-мусульманам» и связывал развитие религиозного фанатизма у горцев с созданием муфтиата и решением проблемы упорядочения духовной жизни².

Вместе с тем, Ю.Д. Анчабадзе в своей работе, рассматривая политическую культуру адыгов (черкесов), особое внимание обратил на состояние аульной общины как основной социальной ячейки, в рамках которой протекала жизнь населения аулов в дореволюционной России. Прежде всего, он констатирует, что действовавшие в конце XIX – начале XX в. формы социально-политической жизни черкесского аула (селения) обуславливались включенностью этой территориальной единицы в систему низового административного аппарата Российской империи. В рамках этой системы регулировались основные вопросы жизнедеятельности общины³. По словам ученого, основные социальные ожидания, которые связывались жителями черкесских аулов с местной властью, были высокими и заключались в том, что местная власть должна быть полностью «понятной» индивиду и ее решения не могли идти вразрез с устоявшейся соционормативной традицией⁴. Ученый подчеркивает, что представление о принадлежности адыгского социума к российскому государственному организму было достаточно укоренившимся во всех социальных стратах адыгского аульного общества⁵.

---

¹ Нефляшева Н.А. Мусульманское образование на Северо-Западном Кавказе ... С. 76-77.

² Там же. С. 77.

³ Анчабадзе Ю.Д. Политическая культура адыгов: традиционные институты и их эволюция ... С. 96.

⁴ Там же. С. 335.

⁵ Там же. С. 97.

Историографический обзор позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на значительное количество вышедших в свет научных работ, до сих пор отсутствует комплексное исследование проблемы связанной с инкорпорацией в XIX – начале XX в. элементов традиционного управления адыгов (черкесов) Северо-Западного Кавказа в структуры российской административно-политической системы. И все большую значимость, в этой связи, приобретает необходимость создания целостного представления об этом процессе, выявления воздействующих на него факторов и природы изменений в элементах традиционной системе управления и социальной организации адыгов (черкесов).

Во второй главе **«Традиционная структура управления адыгов (черкесов) Северо-Западного Кавказа (первая половина XIX в.)»** исследуются вопросы исторически сложившегося сословного разделения адыгов (черкесов), изменения традиционной системы управления адыгского общества под воздействием религиозных факторов.

В первом параграфе «Традиционные формы социально-политической организации адыгского общества» автором рассматривается социальная стратификация адыгского общества в первой половине XIX в. и отмечается, что господствующей формой общественных отношений были вполне сложившиеся феодальные отношения с ярко выраженной и четко организованной иерархической социальной структурой. То или иное положение сословий в иерархии общества зависело от объема экономической и политической власти, что, собственно, и обуславливало их взаимоотношения. Социальное устройство «демократических» субэтнотосов (абадзехов, натухаевцев, шапсугов) повторяло сословное деление «аристократических» субэтнотосов, за исключением института князей. Общество делилось на две основные категории – лично-свободных и лично-зависимых. К первой категории относились князья (пши), дворяне (орки), мусульманское духовенство, тльфокотли и азаты, а ко второй – крепостные сословия (оги, пшитли и унауты).

В силу идентичности социально-политической структуры адыгского общества, можно выделить такой базисный элемент структуры управления как «вотчина-хабль» («вотчина-община»), общий для всех черкесских субэтносов с учетом некоторых их особенностей. Именно в социально-экономическом плане аулы (хабли) князей, старших дворян (тлекотлешей, дыженуго) и незнатных орков были однотипны, являясь феодальными вотчинами. Различия между ними были обусловлены местом их владельцев в феодальной иерархии. Вотчинная система подразделялась на управляемую подсистему, состоящую из незнатных дворян, тльфокотлей, крепостных крестьян, и управляющую подсистему, представленную вотчинной властью и персонифицированную в лице владельца аула.

В верхней части структуры управления адыгского общества располагался «пши-шху» («большой князь»). Большой князь являлся верховным земельным собственником, верховным главнокомандующим и обладал высшей политической властью, регламентированной, однако, нормами обычного права. После его смерти большим князем мог стать следующий за ним брат и так до тех пор, пока все братья не реализовывали свое право на верховное княжение. Принцип наследования по боковой линии настолько проник во все поры адыгского общества, что, не ограничиваясь высшими эшелонами власти, уделами и сельскими вотчинами, распространялся также и на земельные участки, усадьбы и многие виды движимого имущества.

Верховная власть князей в «аристократических» черкесских субэтносах дополняется, соотносится с влиянием общенародных съездов, а у «демократических» субэтносов структура управления отличается немногим и сглажена в сторону большей социальной однородности общества. Основным носителем верховной власти здесь становится общенародное собрание. Однако влияние высшего дворянства, сохранявшего те же социальные привилегии и следовавшего тем же традиционным нормам, что и в

«аристократических» субэтносах, здесь было немногим меньше и в целом определяло жизнь адыгского общества.

Трансформация традиционной системы управления сопровождается у абадзехов, натухаевцев и шапсугов упадком традиционной вотчинной организации и широким распространением мелких тльфокотльских вотчин. Дворяне у «демократических» черкесских субэтносов превращаются в мелких вотчинников, власть которых не простирается дальше их усадеб, населенных родственниками и зависимыми сословиями.

Во втором параграфе «Исламский фактор в функционировании традиционных институтов власти» указывается на то, что по мере нарастания экспансионистских устремлений России происходит закономерная еще большая ориентация «немирных» адыгов (черкесов) в сторону Османской империи. Религиозная общность и признание турецкого султана халифом делают адыгов (черкесов) более восприимчивыми к идее всеобщего равенства, которое становится обоснованием социальных преобразований и трансформаций традиционной системы управления, как у «демократических», так и у «аристократических» черкесских субэтносов. Заимствование адыгами (черкесами) ислама не ограничивается только его обрядовой стороной, а приводит к усложнению существовавших принципов политической организации адыгского общества, оказывая воздействие на правосознание и другие компоненты общественной жизни. Темпы распространения и степень укоренения ислама среди адыгов (черкесов) возрастали по мере упрочнения позиций Российской империи на Кавказе. Конкретная историческая обстановка являлась ведущим фактором, определявшим характер и интенсивность трансформационных процессов в системе традиционного управления адыгов (черкесов).

После заключения Адрианопольского мира центром наиболее радикальных изменений в сфере системы управления под влиянием ислама становятся «демократические» черкесские субэтносы, вовлекавшие затем в орбиту этих процессов и «аристократические». В середине 30-х гг. XIX в.

окончательно формируется политико-правовой подход к модернизации традиционной системы управления, опирающийся на духовный опыт и религиозное сознание адыгов (черкесов).

Но даже, несмотря на особый характер политической системы, сложившейся в Бжедугском владении в конце 50-х гг. XIX в., бывшие владетельные князья и дворяне, лишившиеся политической власти и прав верховной собственности на землю после событий «Пши-орк зау», еще сохраняли свой авторитет. Кроме того, достаточное количество бжедугских князей и дворян остались со своим народом в своих родовых аулах, признали равенство прав свободных сословий и продолжали пользоваться значительным влиянием, являясь примером благородного происхождения и следования данному слову.

В результате победы реформаторского движения Бжедугское княжество перестает существовать, наступает переломный этап трансформации традиционной системы управления. Верховная политическая власть, захваченная силой лидерами тльфокотлей, передается ими в руки наиба Магомета Амина. Бжедугия, утратив часть своего суверенитета, становится провинцией теократического государственного образования Магомета Амина и подчиняется ефендиям, назначаемым наибом в мегкеме на р. Псекупс. В короткий переходный период в каждом ауле утверждаются кадии (судьи) и выбираются советы при кадии из старейших и уважаемых жителей аулов. Ефендии и кадии занимаются не только делами религиозными, но и подчиняют себе всю светскую власть в бжедугских аулах. Высшим органом управления в Бжедугском владении остается общенародное хасе (съезд), на котором рассматриваются наиболее важные вопросы жизни народа.

Являясь надсословной силой, выразившей интересы всего общества, мусульманские священнослужители сыграли главную роль в объединении народа. Главная заслуга мусульманского духовенства заключалась в том, что они успокоили горячие головы и не дали перерасти «Пши-орк зау» в

междоусобную гражданскую войну. К концу 50-х гг. XIX в. роль мусульманского духовенства в черкесских владениях возрастает до такой степени, что оно становится одной из самых влиятельных сил во всех элементах традиционных управленческих структур адыгов (черкесов).

В третьей главе **«Эволюция традиционной структуры управления и социальной организации адыгов (черкесов) в контексте становления российской административной системы (конец 50-х – 60-е гг. XIX в.)»** рассматривается характер изменений системы традиционного управления и социальной организации адыгов (черкесов) в период окончания войны на Северном Кавказе и в ходе становления политико-административной системы Российской империи.

В первом параграфе «Формирование приставских и окружных органов военно-народного управления адыгами (черкесами) Кубанской области» исследуются особенности включения адыгов (черкесов) в политико-административную структуру Российской империи.

По мере затихания военных действий на Северо-Западном Кавказе в конце 50-х гг. XIX в., российское военное командование начинает распространять действие российских органов военно-народного управления на новых российских подданных. На коротком переходном этапе, с целью сохранения внутренней стабильности в адыгском обществе, российскими чиновниками были использованы модернизированные под влиянием духовных начал ислама структурные элементы традиционной системы управления адыгов (черкесов), такие как Валий (народный правитель), Кадий (духовный правитель), Совет при Валие (в который назначались наибы), старшины (владельцы) черкесских аулов и муртазаки. При этом, деформация коснулась и полномочий этих элементов структуры традиционного управления, ограничивая их. Это было связано и с необходимостью выполнения ими на этом этапе инкорпорации адыгов (черкесов) в российскую военно-народную систему управления, в большей части

полицейских функций, в доказательство своей лояльности российским властям.

По окончании же военных действий на территории населенной адыгами (черкесами), переходный этап заканчивается, и развивается общая для всего Кавказа российская военно-народная система управления. Военно-народная система рассматривается российскими властями как необходимая форма сохранения военной администрации в мирное время в тех регионах, население которых еще не было подготовлено к гражданскому управлению. Российская администрация контролирующие функции передает приставам в военно-народных округах, которые становятся председателями горских словесных судов, выполняя функции верховного окружного правителя.

Военно-народные округа включают все территории, компактно населенные коренными кавказскими народами к 1864-1865 гг., в пределах Кубанской и Терской областей, Дагестанской области (за исключением Петровска и Дербентского градоначальства), а также Сухумского и Закатальского округов. Начальниками учрежденных военно-народных округов назначаются армейские офицеры, в ведении которых сосредотачиваются административно-управленческие, полицейские и, в значительной мере, судебные функции. При этом судопроизводство осуществляется при участии избираемых в аульных обществах судей и на основе обычного права и шариата.

Для придания большей определенности системе управления в июле 1865 г. приказом по Кубанской области генерал-лейтенант Сумароков-Эльстон объявляет о преобразовании военно-народного управления области. Попечитель горских народов Кубанской области, подполковник Дукмасов приступив к формированию Псекупского, Лабинского, Урупского, Зеленчукского и Эльборусского военно-окружных управлений, назначает начальниками военно-окружных управлений офицеров, имевших большой опыт работы с автохтонным населением Северо-Западного Кавказа и уже исполнявших ранее обязанности приставов военно-народных управлений.

Так, в Псекупский округ начальником управления был назначен майор Юров; в Лабинский округ – полковник Абдрахманов; в Урупский округ – капитан Мамацев; в Зеленчугский округ – подполковник Калинович; в Эльборусский округ – штабс-капитан Петрусевиц.

В перечень первостепенных задач, которые необходимо было решить военно-народным управлениям Кубанской области, вошли такие задачи, как создание окружных управлений и их территориальное разделение; учреждение окружных судов; упразднение власти туземных владельческих родов и введение выборного управления; учреждение аульных управлений и судов; проведение переписи населения горских округов; скорейшее наделение горцев землей; обложение населения горских округов податями; проведение крестьянской реформы; искоренение воровства; прекращение абречества и разоружение горцев.

С января 1866 г. черкесское население Кубанской области облагается государственной податью в пользу Российского государства. Введение податей рассматривается Российским правительством как окончательное подчинение коренного населения и актом признания ими покорности России.

Во втором параграфе «Российская социально-политическая реформа и традиционная социальная организация адыгов (черкесов)» освещены вопросы, связанные со значительными изменениями социально-политических отношений в адыгском обществе под влиянием различных групп факторов, по мере становления российской административной системы. Одним из важнейших факторов, влиявших на деформацию традиционной системы управления и социальной организации адыгов (черкесов), являлась российская политика по отношению к черкесским князьям и дворянам. Российская администрация, ограничивая власть князей и владетельных дворян, всегда стремилась представить себя в роли защитника интересов «простого народа». Этим обстоятельством начали пользоваться дворяне, тльфокотли и зависимые крепостные, жалуясь российскому начальству при малейшем недовольстве поведением своих бывших

сюзеренов. Черкесские князья и владетельные дворяне, став «мирными», утрачивают многие из традиционных привилегий верховного управления, а функции верховной власти и верховного покровителя подданных черкесских князей берут на себя представители российской военной администрации. В результате деформации подсистемы верховного управления «мирные» черкесские князья становятся обычными владельцами фамильных вотчин-хаблей (вотчин-общин), и в этой ситуации вотчина-хабль превращается в единственный сохранившийся от традиционной системы структурный элемент управления.

В то время пока Штаб войск Кубанской области был занят военными действиями на Северо-Западном Кавказе, российских военных мало заботило внутреннее управление черкесского населения Кубанской области, которое было отдано в распоряжение поставленных над ними ближайших российских приставов, на отбор которых тоже не было обращено достаточного внимания. Но с окончанием военных действий, российское военное командование не могло устраивать положение, когда на должности старшин черкесских аулов назначались князья и дворяне, из числа традиционных владельцев этих аулов, пусть и избранных на аульных сходах, но без возможности реального влияния на этот процесс приставского начальства.

Таким образом, последовательные действия российской военной администрации лишают реальной власти высшие сословия адыгов (черкесов), а с проведением в Кубанской области крестьянской реформы уничтожается и всякая личная зависимость внутри адыгского общества. Крестьянская реформа становится заключительным этапом «социального переворота» в черкесском обществе, когда зависимые крепостные окончательно освобождаются и получают равные права с остальными свободными сословиями. Это происходит вследствие наличия определенных внутренних предпосылок и под воздействием такого внешнего фактора, как целенаправленные действия российской администрации на Кавказе. После структурной и функциональной трансформации традиционной системы

управления адыгского общества ее элементы были подчинены политико-административной системе Российской империи.

С точки зрения задач процесса инкорпорации адыгов (черкесов) в социально-политическую систему Российской империи, отмена крепостного права была неизбежна. А в результате крестьянской реформы, проведенной на Северном Кавказе в 60-е гг. XIX в., эти процессы завершились внешней ликвидацией традиционной сословной структуры адыгского общества, социальным уравниванием, официальным сведением всех традиционных социальных слоев адыгов (черкесов) к социальной категории «горец» – сельский житель (обыватель).

В четвертой главе **«Взаимодействие элементов традиционного управления адыгов (черкесов) с российской административно-политической системой (70-е гг. XIX в. – начало XX в.)»** проведен анализ характера воздействия российской административной системы на устойчивые элементы традиционного управления адыгов (черкесов) и степени их взаимодействия.

В параграфе первом «Трансформация элементов традиционной структуры управления адыгов (черкесов) в контексте российской гражданской административной системы» отмечается, что в ходе установления на территории Кубанской области гражданского управления, происходит реконструкция существующих военно-народных управлений. Административно-территориальные преобразования коснулись не только русского населения области, но и кавказских туземных народов, которые вошли в состав вновь образованных Баталпашинского, Екатеринодарского и Майкопского уездов. В черкесских аульных обществах начали применяться правила нового «Положения об аульных обществах и горском населении», которые регламентировали жизнь правлений горских аульных обществ, определяли порядок их образования, состав, права, круг деятельности. Теперь аульное общественное управление составляли следующие структурные элементы: аульный сход; аульный старшина; комиссия для

раскладки и взыскания податей и других сборов; смотритель запасного хлебного магазина и аульный казначей.

Однако вопрос обустройства духовного правления мусульман Кубанской области продолжал оставаться нерешенным. Продолжала действовать вполне, как казалось, выгодная для российских властей доктрина, согласно которой отклонялись всякие попытки учреждения над адыгами (черкесами) организованных форм духовного управления, основанных на Шариате в виде институтов старших народных кадиев или муфтия. Для российских чиновников важно было ограничить влияние мусульманского духовенства на аульные общества, уделяя больше внимания лояльности мусульманских священнослужителей российским властям. При этом, ислам продолжал занимать важное место в жизни адыгов (черкесов) в качестве идеологической основы и главной консолидирующей силы, дававшей надежду на сохранение своей этнической и духовной самобытности.

После расследования всех обстоятельств, вызвавших волнения в абадзехских и бжедугских аулах в Майкопском и Екатеринодарском уездах, выяснилось, что находящиеся в Турции лидеры Сочинского Меджлиса тайно присылали с возвращающимися на родину паломниками послания к народу. Среди абадзехов и бжедугов активно велась антироссийская пропаганда, распространялись слухи о принятии турецким султаном их в османское подданство и о получении разрешения султана на поголовное их переселение в Турцию. Каждое новое такое послание из Турции вызывало очередной всплеск беспорядков среди черкесского населения, нарушало спокойствие в Майкопском и Екатеринодарском уездах, провоцировало жителей аулов к неповиновению российским властям. Так, от взгляда опытного администратора генерал-лейтенанта Кармалина не ускользнуло и то обстоятельство, что существовала некая тайная организация в Екатеринодарском уезде, которая имела определенное влияние на старшин бжедугских аульных обществ и депутатов горского суда. Аульные старшины,

выбранные на народных сходах и затем формально утвержденные на этих должностях российскими властями, были настолько связаны с аульными обществами круговой порукой, что стали саботировать решения уездного начальства. Контроль над ними со стороны российских чиновников был практически утерян. Необходимо было восстановить авторитет российских учреждений власти в бжедугских аулах Екатеринодарского уезда и для этого была использована административная практика, применявшаяся уже в Майкопском уезде, назначения в административном порядке аульных старшин по усмотрению начальника уезда.

При этом, мусульманское духовенство, представляемое высшим российским военным командованием только в негативном свете, продолжало оставаться в большей своей части верными присяге на верность Российской империи. Не менее значительное влияние мусульманское духовенство оказывало на работу новых судебных учреждений уездного гражданского управления Кубанской области – горских словесных судов, в качестве депутатов и кадиев.

Между тем, для жителей черкесских аульных обществ, как и для российских уездных начальников, появилась новая возможность оптимизации территориальной организации черкесских аульных обществ. Эта возможность открывалась после введения в Кубанском казачьем войске «Положения об общественном управлении в казачьих войсках» утвержденного в 1870 г., когда сельские поселения с количеством домохозяйств более чем в тридцать дворов имели право открывать собственные поселковые управления. Так, в Екатеринодарском и Майкопском уездах черкесские аулы имели свое внутреннее неофициальное разделение на хаблы (кварталы, поселки), ведущие свое происхождение от традиционных вотчин-хаблей, традиционных элементов территориально-социальной организации черкесского общества.

И самое интересное, что жители этих хаблей-кварталов трепетно сохраняли целостность своих обществ и название, зачастую происходившее

от фамилии прежнего дворянина-вотчинника, уже давно лишённого своей власти и привелегий. И при этом, традиционная вотчина-хабль не утратила свою способность к преобразованию. В условиях, когда вотчины-хабли были ограничены российскими чиновниками в области публично-правового, судебного, административного регулирования, они трансформировались в саморегулирующиеся мусульманские общины и стали первичной формой консолидации черкесов, независимо от сословного происхождения. Ислам нивелировал социальные, имущественные и интеллектуальные различия между ними, дав идеологическую основу для духовного сплочения жителей вотчины-хабля в мусульманскую общину «джамаат».

Во втором параграфе «Административно-политические преобразования гражданского управления адыгов (черкесов)» указывается на то, что в 70-е гг. XIX в. в Екатеринодарском и Майкопском уездах Кубанской области формируется особенная практика административного упорядочения таких важных вопросов как организация выезда мусульман-паломников в Хадж и улучшения территориального администрирования крупных черкесских аульных обществ. Прежде всего, начальники уездов запретили отправляться в Хадж к святым для мусульман местам целыми семьями. Кроме того, все паломники должны были обеспечить безбедное существование своих остающихся семей, не иметь долгов и иметь с собой достаточный запас одежды и денег.

Такая рациональная практика уездных управлений начинает реализовываться в полной мере с назначением на должность начальника Кубанской области генерал-лейтенанта Кармалина. Новые правила установили понятный для всех порядок действий, сняли многие напряженные моменты в вопросе выезда мусульман в Хадж и успокоили население аулов. Улучшение же территориальной организации больших черкесских аульных обществ, проводилось в тех местах, где это возможно было сделать без особых затрат со стороны уездных управлений, но и сами

аульные общества должны были быть заинтересованными в таких административно-территориальных переменах.

Благодаря стараниям генерал-лейтенанта Кармалина, начальников уездов Кубанской области и подполковника Пентюхова горцам Кубанской области была предоставлена возможность продемонстрировать свои лучшие природные качества искусных воинов и защитников интересов Российской империи. Во время русско-турецкой войны 1877-1878 г. были сформированы из горцев Екатеринодарского, Майкопского и Баталпашинского уездов шесть сотен Кубанско-горского конно-иррегулярного полка и Конно-иррегулярная сотня Кубанской области, которые достойно проявили себя, выполняя приказы российского военного командования. Хотелось бы отметить также и успешную деятельность уездных гражданских органов власти Кубанской области и командования горского полка, по преодолению возникавших при формировании черкесских сотен Кубанско-горского конно-иррегулярного полка трудностей и, главное, сохранение спокойной обстановки в черкесских аулах и не допущении в них беспорядков. Поистине удивляла непоколебимая вера генерал-лейтенанта Кармалина в стойкость морального духа всадников Кубанско-горского конно-иррегулярного полка, в высокую степень их готовности воевать за интересы России.

История формирования черкесских сотен Кубанско-горского конно-иррегулярного полка в 1877-1878 г. наглядно показала на практике один из действенных способов безболезненного привлечения горцев Кубанской области к отбыванию воинской повинности в Российской империи. При этом российские власти Кубанской области получили в лице молодых представителей дворянских черкесских фамилий, прошедших проверку на верность Российскому престолу своей службой в горском полку, потенциально новое поколение аульных администраторов.

Однако, с упразднением Кавказского наместничества весь накопленный положительный опыт административной организации жизни черкесов Кубанской области, к сожалению, не был учтен в полной мере при

реформировании кавказского управления главноначальствующим гражданской частью генерал-адъютантом Дондуковым-Корсаковым. И хотя с самого начала своей деятельности на Кавказе генерал-адъютант Дондуков-Корсаков говорил о необходимости строгой последовательности в правительственных действиях, сам он был непоследователен в отношении некоторых принципиальных административных решений бывшего Кавказского наместника Великого князя Михаила Николаевича, в частности в том, что черкесы Кубанской области окончательно стали подданными Российской империи. На основании особого подхода к этой проблеме Великого князя Михаила Николаевича все разговоры об эмиграции черкесов в Турцию были прекращены, казалось бы окончательно. Но в первый же год, после своего назначения на Кавказ, генерал-адъютант Дондуков-Корсаков снимает все запреты предыдущей администрации и дает разрешение на выезд паломников в Хадж целыми семьями, чем подымает новую волну эмигрантских настроений в черкесских аульных обществах, в особенности среди черкесов-абадзехов. При этом, было явно видно пребывание в черкесских аульных обществах неких эмиссаров-агентов, которые используя религиозный авторитет турецкого султана, как защитника всех мусульман, безнаказанно призывали черкесов переселяться под покровительство халифа для сохранения народа от непрямого «обрусения». Распространение вредных для спокойствия народа разных слухов и разговоров такими агентами, на фоне непоследовательности решений высших российских чиновников, подавалась ими как слабость России, и периодически приводило жителей черкесских аулов к перевозбуждению и стремлению эмигрировать в Турцию.

В третьем параграфе «Устойчивые элементы традиционного управления адыгов (черкесов) и российские административно-политические институты власти» отмечается, что после назначения на должность главноначальствующего гражданской частью на Кавказе генерал-адъютанта Шереметева меняется отношение российских властей к черкесскому

населению Кубанской области, особенно в части незыблемости их российского подданства. Все действия генерал-адъютанта Шереметева все больше соответствуют той политической концепции, которой придерживался в отношении черкесов Кубанской области бывший наместник Кавказский, Великий князь Михаил Николаевич. Прежде всего, генерал-адъютант Шереметев, после открытого обсуждения с атаманами отделов Кубанской области, выяснил, что горские словесные суды вполне соответствовали тем задачам, для решения которых они создавались, и необходимости в реформировании их структуры не было. Однако, в начале 90-х гг. XIX в. горские словесные суды имели малый бюджет и в управлениях отделов не имели возможности выделить хотя бы самую незначительную сумму на расходы, необходимые на их содержание. Главнначальствующий гражданской частью на Кавказе пошел навстречу просьбам атаманов отделов и разрешил выделить дополнительные средства на содержание горских словесных судов в отделах Кубанской области.

Кроме того, более пристальное внимание стал обращать на все стороны жизни черкесских аульных обществ и назначенный начальником Кубанской области генерал-майор Малама. Он всегда оставался последовательным в своих решениях и использовал в своей работе рациональный взгляд своих предшественников при организации деятельности аульного мусульманского духовенства, при наведении порядка в финансовой отчетности аульных правлений, борьбе с воровством и грабежами в окрестностях аульных обществ и в большинстве других напряженных вопросах. При этом начальник Кубанской области широко применял механизм назначения аульных старшин в административном порядке, из числа претендентов, своими деловыми качествами и репутацией заслужившими высокое доверие генерал-лейтенанта Маламы, в большинстве случаев – из молодых людей, получивших начальное российское образование и знавших русский язык.

В 90-е гг. XIX в. происходит смена поколений аульных старшин и в аульных правлениях появляются молодые люди, в большей части – из

черкесского дворянства, постепенно заменяющие стареющих аульных администраторов времен покорения Северо-Западного Кавказа. Постепенно, возникавшая ранее в среде российских чиновников разного уровня риторика негативного характера, обвиняющая во всех грехах черкесское дворянство, сходит на нет. А репутация того или иного аульного должностного лица теперь напрямую не была связана с социальным происхождением его родителей, а подтверждалась конкретными делами. Причем, этот оценочный подход генерал-лейтенанта Маламы распространялся и на деятельность российских чиновников в отделах Кубанской области.

В отличие от всех своих предшественников генерал-лейтенант Малама, сформулировал в понятной для простого черкесского обывателя форме взгляд российских властей на способ отбывания горцами воинской повинности. Особое внимание начальник Кубанской области уделил разъяснению вопросов, которые провоцировали появление всевозможных злонамеренных слухов, вызывавших, в свою очередь, всплеск волнений среди населения черкесских аулов.

И одним из важнейших этапов процесса инкорпорации адыгов (черкесов) Кубанской области в российское общество стало участие их лучших представителей в русско-японской войне (1904-1905 гг.), в составе сотен Терско-Кубанского конного полка. В ходе этой кампании был использован и положительный, и негативный опыт комплектования иррегулярных горских частей во время последней русско-турецкой войны. Конечно же, обращение Российского императора Николая II к горцам Кавказа, с призывом идти сражаться за свое отечество, также высоко подняло эмоциональный фон, на котором проходила кампания по формированию кубанских сотен Терско-Кубанского конного полка.

В начале XX в., с восстановлением Кавказского наместничества, приостановленные административные и судебные реформы в Кубанской области были продолжены. В октябре 1905 г. Кавказский наместник, генерал-адъютант Воронцов-Дашков, для усиления влияния в аульных обществах

традиционных, добропорядочных, здоровых и рациональных сил, распорядился проводить вместо существовавших ранее аульных сходов – сборы выборных от аульного общества. Основная идея, которая была заложена в данной реформе, заключалась в использовании соседского собратства домохозяйств, которые хорошо знали друг друга. Данная реформа как нельзя лучше подходила для черкесских аульных обществ, в большинстве своем уже разделенных на хаблей-квартилы (поселки), в каждом из которых была своя мусульманская община (джамаат) и своя квартальная мечеть. И получилось так, что выдвижение выборных на аульный сбор происходило от уже сложившихся исторически соседских собратств – хаблей-квартилов. Аульный сбор выборных, как орган разрешения вопросов, касавшихся всего аульного общества, становился органом представительства депутатов от общин хаблей-квартилов.

Более того, в апреле 1907 г. в Кубанской области вводятся суды присяжных заседателей, и действие этой судебной реформы распространяется на черкесские аулы Екатеринодарского и Майкопского отделов. Присяжных выбирали из тех жителей аулов, которые находились в российском подданстве, могли говорить и писать по-русски, проживали в ауле не менее двух лет, без проблем с законом в прошлом и в возрасте от двадцати до семидесяти лет. Однако сама возможность участия в заседаниях присяжных судов представителей черкесских аульных обществ была признана не только почетной обязанностью для самих приглашаемых заседателей, но и почетной, и знаковой повинностью для обществ черкесских аулов Кубанской области.

В начале XX в. в Кубанской области были выработаны главные принципы нового подхода к управлению горским населением области, при котором атаманов отделов стали призывать к живому, а не формально-канцелярскому отношению к управлению горцами. Почти за сорок лет, которые прошли после покорения Российской империей Северо-Западного Кавказа, наиболее активное старшее поколение черкесов частью выселилось

в Турцию, а частью в связи с преклонным возрастом постепенно удалилось от общественных дел. И на смену этому стареющему поколению пришло новое поколение молодых активных черкесов, обучавшихся русской грамоте, воспитанных в духе уважения к российским законам и освоившихся с обычаями русских крестьян, заселявших Кубанскую область.

В заключении изложены основные обобщения и выводы диссертационного исследования, соответствующие положениям, выносимым на защиту.

На защиту выносятся следующие положения:

- Теоретико-методологические подходы западных и отечественных ученых определяют традицию, как подвижное образование, имеющее большой адаптивный потенциал, и предоставляют уникальную возможность, используя весь накопленный научный пласт исследований соотношения традиций и инноваций, рассмотреть сложные механизмы изменения элементов традиционного управления и социальной организации адыгов (черкесов) в процессе включения их в иной административно-политический контекст.

- Современный уровень отечественной историографии и привлечение широкого круга источников, обуславливает необходимость создания комплексного исследования проблем связанных с процессом инкорпорации элементов традиционного управления и социальной организации адыгов (черкесов) в XIX – начале XX в. в структуры российской административно-политической системы.

- Установившейся формой общественных отношений в Западной Черкесии в первой половине XIX в. являются феодальные отношения со своей иерархической социальной структурой. Исходя из идентичности социально-политической структуры черкесских субэтнотрофов, базисным элементом их традиционной структуры управления становится «вотчина-хабль» («вотчина-община»). При этом верховная власть князей в «аристократических» черкесских субэтнотрофах ограничивается и соотносится с

возрастающим влиянием общенародных съездов, а у «демократических» субэтносов структура управления более сглажена в сторону социальной однородности общества.

- Укоренение ислама среди адыгов (черкесов) делает их более восприимчивыми к идее всеобщего равенства, которое становится обоснованием социальных преобразований и трансформаций традиционной системы управления. В середине 30-х гг. XIX в. окончательно формируется политико-правовой подход к модернизации традиционной системы управления, опиравшийся на духовный опыт и религиозное сознание адыгов (черкесов). Заимствование ислама не ограничивалось только его обрядовой стороной, а приводило к усложнению существовавших традиций политической организации адыгского общества, оказывая воздействие на правосознание и другие компоненты общественной жизни. Значение мусульманского духовенства возросло до такой степени, что оно становится одной из самых влиятельных сил во всех элементах структуры традиционного управления адыгов (черкесов).

- По мере затихания военных действий на Северо-Западном Кавказе, российское военное командование начинает формировать органы системы военно-народного окружного управления. На коротком переходном этапе, с целью сохранения внутренней стабильности в адыгском обществе, российскими чиновниками были использованы модернизированные под влиянием духовных начал ислама структурные элементы традиционной системы управления адыгов (черкесов). По окончании военных действий на территории, заселенной адыгами (черкесами) развивается общая для всего Кавказа российская военно-народная система управления. Военно-народная система рассматривается российскими властями как необходимая форма сохранения военной администрации в мирное время в тех регионах, население которых еще не было подготовлено к гражданскому управлению.

- Последовательные действия российской военной администрации лишают реальной власти высшие княжеские и дворянские сословия адыгов

(черкесов), а с проведением в Кубанской области крестьянской реформы уничтожалась и всякая личная зависимость. Зависимые крепостные окончательно получают равные права с остальными свободными жителями аулов. Благодаря наличию определенных внутренних предпосылок и под воздействием российской администрации, элементы функционально трансформированной традиционной системы управления адыгов (черкесов) были подчинены политико-административной системе Российской империи и поэтому с точки зрения задач процесса инкорпорации адыгов (черкесов) в социально-политическую систему Российской империи, отмена крепостного права была неизбежна. При этом вся традиционная социальная иерархия адыгского общества официально российскими властями не принималась во внимание и была сведена к одной социальной категории «горец» – сельский житель (обыватель).

- В ходе установления на территории Кубанской области гражданского правления, происходит реконструкция военно-народных управлений и население черкесских аульных обществ включается в состав вновь образованных уездов. В уездах формируются новые судебные учреждения – горские словесные суды, на работу которых оказывает значительное влияние мусульманское духовенство в качестве кадиев и депутатов суда. При этом, вопрос обустройства духовного правления мусульман Кубанской области все еще продолжал оставаться нерешенным. Не утратили свою способность к преобразованию и традиционные формы общественной организации (вотчины-хабли, кварталы) – они трансформировались в саморегулирующиеся мусульманские общины и стали первичной формой консолидации черкесов, вне зависимости от их сословного происхождения. Ислам нивелировал социальные, имущественные и интеллектуальные различия между ними, дав идеологическую основу для духовного сплочения жителей вотчины-хабля в мусульманскую общину «джамаат».

- В уездах Кубанской области формируется особая практика административного регулирования таких важных для черкесских аульных

обществ вопросов как организация выезда мусульман-паломников в Хадж, оптимальное разделение крупных аульных обществ на меньшие, установление более строгого надзора за людьми порочного поведения, ограничение круга обязанностей аульных мулл и улучшение контроля за исполнением мусульманским духовенством религиозных обрядов. Новые правила давали понятный для всех порядок действий и сняли многие напряженные моменты в жизни аульных обществ. Формирование черкесских сотен Кубанско-горского конно-иррегулярного полка в 1877-1878 гг., показало на практике один из действенных способов безболезненного привлечения горцев Кубанской области к отбыванию воинской повинности. Российские власти получили в лице молодых представителей дворянских черкесских фамилий, потенциально новое поколение аульных администраторов, доказавших своей службой в горском полку верность Российскому престолу.

- В начале 90-х гг. XIX в. меняется отношение российских властей к черкесскому населению Кубанской области, особенно в части незыблемости их российского подданства. Репутация того или иного аульного должностного лица теперь напрямую не была связана с его социальным происхождением, а подтверждалась конкретными делами. Для усиления влияния в аульных обществах традиционных, добропорядочных, здравых и рациональных сил, вместо существовавших ранее сходов в аулах стали проводить сборы выборных от аульного общества. Основная идея этой реформы заключалась в использовании соседского сообщества домохозяйств хорошо знавших друг друга. Это как нельзя лучше подходило для черкесских аульных обществ, в большинстве своем уже разделенных на хабли-кварталы, в каждом из которых была своя мусульманская община (джамаат), своя квартальная мечеть и в исторической перспективе данная реформа имела большое позитивное значение для адыгского общества.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

Монографии:

1. Кандор Р.С. Трансформация традиционной системы управления западных адыгов (черкесов) (конец XVIII в. – 60-е гг. XIX в.). – Майкоп: «Издательство З.В. Паштова», 2009. – 216 с. – 12,5 п.л.
2. Кандор Р.С. Черкесский конный полк в Великой войне (1914 г. – 1916 г.). – Майкоп: «Издательство З.В. Паштова», 2016. – 278 с. – 25,6 п.л.

Брошюры:

1. Кандор Р.С. Исторические традиции управления западных адыгов (черкесов) (конец XVIII в. – 30-е гг. XIX в.). – Майкоп, 2008. – 52 с. – 3,1 п.л.

Статьи, опубликованные в реферируемых изданиях ВАК:

1. Кандор Р.С., Азашиков Г.Х. Из истории становления системы регионального управления коренным населением Кубанской области в 1860 – 1870 гг. // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Специальный выпуск. – Майкоп: Издательство МГТУ, 2004. – С.37-41. – 0,5 п.л.
2. Кандор Р.С. Особенности верховной власти в традиционной системе управления западных адыгов (черкесов) в начале XIX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради. – СПб., 2008. – №37 (80). – С.136-140. – 0,4 п.л.
3. Кандор Р.С. Отмена крепостного права у западных адыгов (черкесов) Кубанской области в 60-е годы XIX в. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. – СПб., 2009. – №12(90). – С. 53-57. – 0,4 п.л.

4. Кандор Р.С. Органы административного управления Кубанской области в разрешении конфликтных ситуаций (конец 60-х – начало 70-х гг. XIX в.) // Культурная жизнь Юга России. – Краснодар, 2009. – № 1. – С. 67-69. – 0,3 п.л.

5. Кандор Р.С. «Пщышху», «Тхьаматэ», «Тльфекотли»: особенности верховной власти в традиционной системе управления Черкесии в начале XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – М., 2009. – № 2 – С. 127-136. – 0,7 п.л.

6. Кандор Р.С. Залабинские кабардинцы в условиях колонизации российской империей Северо-Западного Кавказа (конец 50-х гг. – середина 60-х гг. XIX в.) // Вестник Майкопского государственного технологического университета (Вестник МГТУ). – Майкоп: Изд-во ОАО «Полиграф-ЮГ», 2010. – №3. – С. 52-57. – 0,54 п.л.

7. Кандор Р.С. Включение залабинских кабардинцев в административно-территориальную систему Российской империи (конец 50-х – середина 60-х гг. XIX в.) // Исторический вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и Кабардино-балкарского научного центра РАН. – Нальчик, 2010. – IX выпуск. – С. 62-75. – 0,75 п.л.

8. Кандор Р.С., Кудаева С.Г. Проблема соотношения традиций и инноваций в отечественной историографии (конец 70-х – 80-е гг. XIX в.) // История науки и техники. – М.: Издательство научно-технической литературы «НАУЧТЕХ ЛИТИЗДАТ», 2012. – № 6. – С. 47-54. – 0,7 п.л.

9. Кандор Р.С., Кудаева С.Г. Соотношение традиции и инновации в зарубежной историографии: теоретические подходы к пониманию проблемы (конец 50-х – 90-е гг. XX в.) // История науки и техники. – М.: Издательство научно-технической литературы «НАУЧТЕХ ЛИТИЗДАТ». – 2013. – № 9. – С. 67-75. – 0,7 п.л.

10. Кандор Р.С. Феномен синтеза традиций и инноваций в работах отечественных ученых (70 – 80-е годы XX в.) // Вестник Дагестанского

государственного университета. – Махачкала: Издательство ДГУ, 2013. – Вып. 4. – С. 5-9. – 0,5 п.л.

11. Кандор Р.С. Деятельность органов управления и власти Кубанской области по обеспечению организованного комплектования сотен Терско-Кубанского конного полка в 1904 году // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – Майкоп: Изд-во МГТУ, 2015. – Вып. 2. – С. 11-19. – 0,7 п.л.

12. Кандор Р.С. Становление традиций боевого содружества офицеров и всадников Черкесского конного полка (1914 – 1916 гг.) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – Майкоп: Изд-во МГТУ, 2015. – Вып. 4. – С. 17-26. – 0,7 п.л.

13. Кандор Р.С. Адрианопольский мирный договор: практика политических взаимоотношений княжеств Черкесии с Российской империей (30-е годы XIX в.) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – Майкоп: Изд-во МГТУ, 2016. – Вып. 1. – С. 14-20. – 0,7 п.л.

14. Кандор Р.С. Особенности трансформации традиционной системы управления в Бжедугском княжестве Черкесии в середине 50-х годов XIX в. // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – Майкоп, 2017. – Вып. 3. – С. 17-27. – 0,7 п.л.

15. Кандор Р.С. Становление российской системы управления в Бжедугском владении Черкесии (конец 50-х – середина 60-х гг. XIX в.) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – Майкоп: изд-во МГТУ, 2018. – Вып. 1. – С. 13-21. – 0,7 п.л.

16. Кандор Р.С. Формирование черкесских сотен Кубанско-горского конно-иррегулярного полка: первый исторический опыт (1877 г.) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – Майкоп: изд-во МГТУ, 2019. – Вып. 3. – С. 28-40. – 0,7 п.л.

17. Кандор Р.С. Выборы Екатеринодарского горского словесного суда: практика упрочения российского влияния на черкесские аульные общества

(начало 70-х гг. XIX в.) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – Майкоп: изд-во МГТУ, 2020. – Вып. 2. – С. 18-28. – 0,7 п.л.

Статьи:

1. Кандор Р.С. Адыгские элементы в геральдической традиции // Историко-генеалогический научно-реферативный независимый журнал «Генеалогия Северного Кавказа». – Нальчик: ЭЛЬФА, 2004. – № 9. – С. 131-134. – 0,2 п.л.

2. Кандор Р.С., Азашиков Г.Х. Система управления Черкессии в конце XVIII – начале XIX вв. // Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований. – Элиста, 2006. – № 2. – С. 177-181. – 0,5 п.л.

3. Кандор Р.С., Азашикова Ф.Я. Формы и методы разрешения конфликтов на Северном Кавказе: технологии в ретроспекции // Конфликты и сотрудничество на Северном Кавказе: управление, экономика, общество. Сборник тезисов международной научно-практической конференции 29-30 сентября 2006 г. – Ростов-на-Дону, Горячий Ключ: Изд-во СКАГС, 2006. – С. 214-217. – 0,2 п.л.

4. Кандор Р.С. Административное управление и судебная власть в черкесском ауле середины 60-х годов XIX в. // Новые технологии. – Майкоп: Изд-во ГОУ ВПО «МГТУ», 2008. – № 6. – С. 79-84. – 0,7 п.л.

5. Кандор Р.С. Традиции верховного управления в Темиргоевском владении Западной Черкесии // Адыги (черкесы) в XIX веке: проблемы войны и мира (Материалы международного круглого стола, посвященного 145-летию окончания Кавказской войны (21 мая 2009 г.)). – Майкоп, 2009. – С. 167-176. – 0,57 п.л.

6. Кандор Р.С. Историографический анализ изучения трансформации традиционной системы управления западных адыгов // Образование. Наука.

Инновации: южное измерение. – Ростов-на-Дону, 2009. – № 2. – С. 65-73. – 0,74 п.л.

7. Кандор Р.С. Проблема соотношения традиций и инноваций в исследованиях отечественных востоковедов // Культура. Наука. Интеграция. – Ростов-на-Дону: Издательство Педагогического института Южного федерального университета, 2011. – № 1 (13). – С. 18-22. – 0,35 п.л.

8. Кандор Р.С. Воздействие религии на традиционную систему управления западных адыгов (черкесов) в первой половине XIX в. // Адыги (черкесы) в историческом времени и пространстве (Материалы круглого стола, посвященного 20-летию образования Республики Адыгея. Майкоп, 19 мая 2011 г.). – Майкоп, 2011. – С. 72-91. – 1,1 п.л.

9. Кандор Р.С. Взаимоотношение Абдзехии с Российской империей в 1859-1861 годах // Вестник науки (ШIэныгъэгуаз). – Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2011. – Выпуск 1(25). – С. 190-199. – 0,6 п.л.

10. Кандор Р.С. Крестьянская реформа у черкесов Кубанской области в 60-е годы XIX в. // Вестник науки АРИГИ. – Выпуск 2. – Краснодар: изд-во ИП Солодовникова А.Н., 2013. – С. 194-202. – 0,72 п.л.

11. Кандор Р.С. Освобождение зависимых сословий черкесов Кубанской области в ходе крестьянской реформы 60-х годов XIX века // Дагестан в российском историческом процессе. Материалы международной научной конференции, посвященной Году Российской истории (Махачкала, 16 ноября 2012 г.), сборник научных статей. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2013. – С. 286-292. – 0,7 п.л.

12. Кандор Р.С. Черкесо-гаи (черкесские армяне) в системе общественных отношений Черкесии (первая половина XIX в.) // Материалы XXVII Недели науки МГТУ: XXIII Всероссийская научно-практическая конференция «Образование-наука-технологии». – Майкоп: Издательство Кучеренко В.О., 2013. – С. 78-84. – 0,37 п.л.

13. Кандор Р.С. Черкесо-гаи (черкесские армяне) в системе общественных отношений Черкесии (1800-1870 гг.) // Тезисы докладов

Международной научной конференции «Историко-культурное наследие и современность» (4 – 6 октября 2013 г.) – Республика Армения, Гюмри, 2013. – С. 92 – 94. – 0,2 п.л.

14. Кандор Р.С. Абадзехское владение Черкесии в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. // Материалы международной научной конференции «Адыги (черкесы) в историческом времени и пространстве», посвященной 150-летию окончания Кавказской войны (Майкоп, 19-21 мая 2014 г.) – Майкоп: Издательство ИП Солодовникова А.Н., 2014. – С. 224-234. – 0,7 п.л.

15. Кандор Р.С. Вопрос соотношения традиций и инноваций в советской историографии (конец 70-х – 80-е гг. XX в.) // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева. – Майкоп: «Полиграф-ЮГ», 2014. – Выпуск № 4 (28). – С. 118-125. – 0,65 п.л.

16. Кандор Р.С. Черкесо-гаи (черкесские армяне) в системе общественных отношений Черкесии (1800 – 1870 гг.) // Научные труды Центра арменоведческих исследований Ширака (Сборник статей). – Республика Армения, Гюмри, 2014. – № 17. – С. 84-88. – 0,4 п.л.

17. Кандор Р.С. Черкесский конный полк: верность традициям боевого содружества (1914-1917 гг.) // *Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe* (East European Scientific Journal). – Польша, Варшава, 2016. – № 6. – С. 150-154. – 0,7 п.л.

18. Кандор Р.С. Армяне в боевой летописи Черкесского конного полка (1914-1916 гг.) // Тезисы докладов 9-ой Международной научной конференции «Историко-культурное наследие Ширака: современные проблемы арменоведения» (23-25 сентября 2016 г., г. Гюмри, Республика Армения). – Гюмри, 2016. – С. 97-100. – 0,15 п.л.

19. Кандор Р.С. Армяне в боевой летописи Черкесского конного полка (1914-1916 гг.) // Научные труды Центра арменоведческих исследований Ширака (Сборник статей). – Республика Армения, Гюмри, 2016. – №19. – С. 69-78. – 0,7 п.л.

20. Кандор Р.С. Проблема соотношения традиции и инновации: новый взгляд представителей армянской научной школы (1980-е гг.) // Тезисы докладов 10-ой Международной научной конференции «Историко-культурное наследие Ширака: современные вопросы арменоведения» (27-29 сентября 2019 г., г. Гюмри, Республика Армения). – Ереван, Гюмри: Издательство «Гитутюн» НАН РА, 2019. – С. 284-286. – 0,2 п.л.